
ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 398.4(084.1) (571.122) (=511.142) + 811.511.142
DOI 10.25205/2312-6337-2025-1-108-143

Медвежий праздник сургутских хантов (Мегион, июнь 2024 г.)

Н. Б. Кошкарёва, К. А. Сагалаев

Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия

Аннотация

В рамках фестиваля «Хатлые», организованного МАУ «Экоцентр» в Музейно-экологическом комплексе «Югра» (6–9 июня 2024 г., г. Мегион, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра), был проведен медвежий праздник восточных хантов. Зафиксированы пробуждающие и усыпляющие медведя песни, священные мифологические песни, а также сценки, сказки и танцы, представляющие сферу профанного. Сняты на фото и видео изготовление счетной палочки, на которой отмечены основные эпизоды медвежьего праздника, и другие элементы ритуала. Был также проведен и частично зафиксирован обряд бескровного жертвоприношения *поры*, состоявшийся на священном месте на территории музея-стойбища семьи Казамкиных. Введенные в научный оборот новые видео- и аудиозаписи будут способствовать сохранению мифологических традиций и развитию богатого культурного наследия хантыйского народа.

Ключевые слова

сургутские ханты, обряд, медвежий праздник, визуальная антропология

Для цитирования

Кошкарёва Н. Б., Сагалаев К. А. Медвежий праздник сургутских хантов (Мегион, июнь 2024 г.) // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2025. № 1 (Вып. 53). С. 108–143. DOI 10.25205/2312-6337-2025-1-108-143

Surgut Khanty bear festival (Megion, June 2024)

N. B. Koshkareva, K. A. Sagalaev

Institute of Philology SB RAS, Novosibirsk, Russia

Abstract

This paper deals with the bear festival of the Eastern Khanty people which was held at the museum and ecological complex “Yugra” in 2024. It was organized by the Municipal Autonomous Institution “Ecocenter” (Megion, Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug, Yugra) on June 6–9, 2024 as part of the festival “Khatlye”. The recordings made at the festival include songs to awaken and lull bears, sacred mythological songs, and performances representing the profane, such as skits, fairy tales, and dances. The process of creating a counting stick, featuring the main episodes of the bear festival (55 scenes in this rite), was captured through photo and video recordings. A partial recording was made of the bloodless sacrifice rite *pory*, which took place in a sacred place on the territory of the Museum-stable of the Kazamkin family. The recording of the pronounced sacred texts was subject to a ban. Also, on certain days following the rite, fairy tales and other folklore pieces performed by festival participants were recorded. The paper provides a concise overview of the literature devoted to the Ob-Ugric traditions of bear veneration, detailing the historical development of the East Khanty bear festival and describing previous festivals. A comprehensive account of the rite fixation procedure is provided, including a structural analysis: the arrangement of songs, dances, and skits, along with concise descriptions. The new video and audio recordings introduced into scientific circulation are to con-

tribute to the preservation of mythological traditions and development of the rich cultural heritage of the Khanty people.

Keywords

Surgut Khanty, ritual, bear festival, visual anthropology

For citation

Koshkareva N. B., Sagalaev K. A. Medvezhiy prazdnik surgutskikh khanty (Megion, iyun' 2024 g.) [Surgut Khanty Bear Festival (Megion, June 2024)]. *Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]*. 2025, no. 1 (iss. 53), pp. 108–143. (In Russ.) DOI 10.25205/2312-6337-2025-1-108-143

Введение

Медвежий праздник, или медвежьи игрища, хант. *пуни зот* (букв.: медвежий дом), *пуни йэк* (букв.: медвежья пляска) – центральный обряд обско-угорской культуры, в котором совмещаются сакральные и профанные элементы. В обширной литературе по этнографии обсуждаются его истоки как промыслового культа или действия, связанного с представлением о медведе как о тотеме [Гондатти 1888; Харузин 1899; Шмидт 1989; Schmidt 1989; Лукина 1990; Карьялайнен 1994; Кулемзин 1997, 1996; Чернецов 2001; Соколова 2002; Лукина, Попова 2020]. Различие этих двух составляющих культа медведя отражается и в иконографии божества в облике медведя: медведь-тотем изображается стоящим в полный рост, медведь-добыча – в позе «голова между лап» [Бауло 2016].

Исчерпывающий обзор первых фиксаций медвежьего праздника у обских угров, а также воспоминания о семейных праздниках, негласно проводившихся в советское время, содержится в работах [Glavatskaya 2005; Dudeck 2022: 45–48; и др.]. Возрождению медвежьего праздника в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре в последнее время посвящена статья [Молданова 2016].

Подробно описываются в литературе отдельные элементы обряда, например, процедуры очищения – обрызгивание водой или закидывание снегом, а также окуливание для очищения охотника и участников праздника от греха убийства медведя и употребления его мяса, а также как проявление почитания и защита от злых духов [Кальман 2004]. Монографическое описание получают танцевальные элементы праздника с подробным разбором движений, положения рук, ног и туловища в целом, а также символика движений и покрой костюмов [Молданов, Сидорова 2010]. Музыкальная составляющая праздника, его жанрово-стилевая система, типы напевов и сопровождающие праздник звукоподражания и наигрыши рассматриваются в работах этномусиковедов [Мазур 1997; Шесталов 2011, 2013; Василенко (Мазур) 2014; Солдатова 2021]. Детально исследуется поэтическая система и поэтические константы, разнообразные стилистические средства, используемые в медвежьих песнях [Гриневич 2016, 2020, 2021; Каксина 2021], а также табуированный язык медвежьего праздника [Bakró-Nagy 1979]. Взгляд на медвежий праздник как на представление, соединяющее разные виды драматического искусства, содержится в работах искусствоведов [Шесталов 2011, 2013]. Специфика аудио- и видеофиксации разнообразных обрядов становится предметом изучения визуальной антропологии [Сагалаев 2008, 2019а, 2019б, 2020, 2021, 2024; Dudeck 2022]. Анализируется стиль отдельных исполнителей – К. Маремьянина на основе записей из собрания В. Штейница, сделанных в 1936 г. на шеркальском диалекте [Lintrop 1998], а также выдающегося казымского исполнителя П. И. Сенгепова [Головнев, Головнева 2022]. Предметом описания являются также семейные и региональные традиции исполнения медвежьего репертуара – на примере рода Себуровых [Слепенкова 2002] и сынских хантов [Сынские ханты 2005; Талигина 2007]. Структура южно-хантыйского медвежьего праздника сравнивается со структурой саамского обряда в общепуловской перспективе [Rydving 2007].

Одной из самых ярких и запоминающихся частей медвежьего праздника являются сценки, которые разыгрываются участниками, чтобы «повеселить» главного гостя праздника – медведя. Их содержание описывается многими очевидцами [Гондатти 1888: 75–90; Митусова 1926: 12–14; Glavatskaya 2005: 194–195; и др.].

Обско-угорский медвежий праздник включен в Реестр объектов нематериального этнокультурного достояния народов Ханты-Мансийского автономного округа – Югры¹. Сотрудниками Муниципального автономного учреждения культуры Белоярского района «Этнокультурный центр» разработан сайт «Медвежьи игрища»², на котором представлена разнообразная информация об исполнителях, атрибутах медвежьего праздника, аудио- и видеозаписи исполнения медвежьих песен, которые сопровождаются расшифровкой на хантыйском языке и переводом на русский язык.

Наиболее изученным и масштабным является казымский (западнохантыйский, или севернохантыйский) вариант медвежьего праздника, зафиксированный и всесторонне исследованный Т. А. Молдановым и Т. А. Молдановой [Молданов 1999, 2001, 2002а, 2002б, 2009, 2018б, 2020; Молданова 1995, 2010, 2016; Кравченко 2004]. Особую ценность представляют публикации текстов медвежьих песен [Молданов, Молданова 2000; Молданов, Сидорова 2010: 325–350; Сыньские ханты 2005: 234–342; и др.]. Активная деятельность Т. А. Молданова и других носителей хантыйской культуры направлена на передачу исполнительских традиций молодому поколению, с этой целью создана «Окружная школа Медвежьих игрищ», ее участниками регулярно проводятся разнообразные мероприятия.

Целью данной статьи является первичная характеристика медвежьего праздника, организованного МАУ «Экоцентр» (г. Мегион, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра) 6–9 июня 2024 г. в Музейно-экологическом комплексе «Югра» в рамках фестиваля «Хатлые». Его участники стремились соблюсти аутентичные восточнохантыйские традиции, которые, по их мнению, существенно отличаются от западнохантыйских. Описание носит дневниковый характер, в нем в хронологической последовательности излагаются основные события ритуала³, которые по мере возможности сопровождаются краткими комментариями.

История изучения восточнохантыйской традиции проведения медвежьего праздника

В научной литературе имеется множество описаний медвежьего праздника у восточных хантов. К. Ф. Карьялайнен стал участником ритуала 10 января 1901 г. в районе Сургута и записал тексты медвежьих песен [Карьялайнен 1996].

3 сентября 1924 г. свидетельницей последнего дня медвежьего праздника оказалась этнограф Р. П. Митусова. Праздник проходил в хантыйском поселении Яур-Яун-Пугол на р. Аган, и ей удалось зафиксировать и описать содержание 21 шуточной сценки, которыми завершался праздник, а также убранство юрт, одевание молодой медведицы и разнообразные атрибуты праздника. На нарах под иконой на соломе была размещена медвежья шкура, голова и лапы отрезаны, но положены рядом, создавая впечатление цельной шкуры. По бокам от медведя был сооружен каркас из дранок, переплетенных между собой и воткнутых концами в щели нар. С правой стороны поставлен маленький кедр с колокольчиком. Перед мордой зверя размещены деревянный «наконечник стрелы», которым якобы был убит медведь, модель «очага», «молоточек» и «гребень». Рядом стояли три куженьки с угощением – сушеной рыбой и хлебом. Перед нарами лежало семь палок-посохов. Добытый медвежонок был облачен в женский наряд: расшитое бисером платье, платок, бисерные цепочки, сережки, медные кольца, вместо глаз – «пуговицы с орлами». Во время праздника с левой стороны от входа разместились женщины, с правой – мужчины. Ход игрищ был традиционен: песня-пробуждение (старик звонил в колокольчик, пел, поднимал платок, чтобы видны были глаза медведя, мешал «деревянным молоточком» в «очаге», причесывал медведя, здоровался, целуя лапу и голову), приветствия медведя участниками и гостями, обливание водой и борьба-имитация схватки медведя и человека. Далее следовали выступления актеров в берестяных масках с длинными носами и угощение медвежьим мясом [Митусова 1926: 12–14].

¹ <https://ugra-dostoyanie.ru/objects/holiday-ceremonial/other/84/#toc7> (дата обращения: 15 декабря 2024 г.)

² <https://beargames.ru/> (дата обращения: 15 декабря 2024 г.)

³ Фотографии сделаны К. А. Сагалаевым, А. В. Шмидтом и Н. Б. Кошкарёвой. Краткий видеоотчет см.: https://vkvideo.ru/video-156102320_456239125.

По свидетельствам аганских хантов, в 1975 г. медвежий праздник в юртах *Синк-пухал* проводили Роман Дмитриевич, Виктор Романович и Ефим Андреевич Айпины. В 1994 г. благодаря стараниям Михаила Сидоровича Тырлина было организовано показательное представление для местных жителей и телевидения [Перевалова, Карачаров 2006: 162–167]. Юганские обычаи почитания медведя зафиксированы Е. М. Титаренко во время полевых исследований в с. Угут и юртах Каюковых в 1973 г. [Лукина 2010: 148–154]. Ваховский вариант медвежьего праздника известен со слов Егора Степановича Прасина из юрт Огорт-Юх-пугол на р. Вах, которые приводит М. Б. Шатилов в работе 1931 г. [Шатилов 2000: 174–176]. В советское время медвежьи праздники проводились время от времени в узком семейном кругу, о чем имеются воспоминания их свидетелей [Glavatskaya 2005].

Начиная с 1980-х гг. зафиксировано как минимум 9 праздников, участниками которых, помимо исполнителей и их сородичей, стали отечественные и зарубежные ученые и общественные деятели. Такие праздники стали проводиться довольно регулярно: в 1984 г., дважды в 1988 г., в 1995, 2010, 2015 гг., дважды в 2016 г., в 2021, 2022 гг. (подробное описание этих праздников см.: [Солдатова 2023]).

В марте 1992 г. финский музыковед Я. Ниemi, В. Никифорова и И. Саастамойнен сделали записи от нескольких носителей традиционной сургутской культуры в с. Русскинская (р. Тромаган) и Угут (р. Юган). В 2001 г. был выпущен компакт-диск, на котором представлены 23 образца традиционной музыки восточных хантов – песни разных жанров и инструментальные наигрыши. Исполнители: Тимофей Иванович Кечимов, Сергей Васильевич Кечимов, Семен Тимофеевич Кечимов, Надежда Семеновна Медведева, Софья Степановна Мултанова, Егор Николаевич Бисаркин. Среди представленных на диске произведений есть и песни из репертуара медвежьего праздника, в том числе песня пробуждения медведя и другие священные песни [Niemi, Jukkara 2001] ⁴.

Участниками нескольких медвежьих праздников в конце XX – начале XXI вв. были Э. Вигет и О. Балалаева, их труды на сегодняшний день содержат наиболее подробное описание разнообразных культурных практик восточных, прежде всего юганских, хантов. В их коллекции собрано около 125 часов записей, из которых 80 часов – оригинальные записи самих исследователей [Wiget, Balalaeva 2011, 2022a, 2022b; Балалаева 2019]. В видеофиксации медвежьего праздника на Тромагане в районе с. Русскинская 21–24 марта 2016 г. принимал участие немецкий антрополог Ш. Дудек, он подробно охарактеризовал организацию праздника, инициированного Этнографическим музеем под открытым небом «Торум-Маа» (г. Ханты-Мансийск), состав исполнителей и участников, их взаимодействие между собой и с представителями местной администрации, технические особенности записи и др. [Dudeck 2022] ⁵.

К сожалению, до сих пор нет полных расшифровок ни одного из зафиксированных праздников. На сайте «Waking the Bear. Understanding Circumpolar Bear Ceremonialism» ⁶ выложены фрагменты записей медвежьего праздника 2010 ⁷ и 2016 гг., а также текст «Песни пришествия медведя», исполненной Н. П. Купландеевым в юртах Ларломкиных в 1995 г. Расшифровка этой песни выполнена Е. П. Сурломкиной, запись на хантыйском языке сопровождается переводом на русский и английский языки ⁸. Анализ «Самой первой из сотни священных песен», записанной в 1992 г. от П. В. Курломкина на Большом Югане венгерским музыковедом К. Лазар,

⁴ <https://www.discogs.com/release/5967010-Various-The-Great-Awakening-Music-Of-The-Eastern-Khanty>. The Great awakening – music of the Eastern Khanty. Produced by J. Niemi and J.-M. Jukkara. Finland, 2001 (Global Music Centre, GMCD 0107).

⁵ Информацию о проведении данного праздника и фотоотчет, сделанный Ш. Дудеком, см.: <https://arcticanthropology.org/2016/04/24/the-khanty-bear-feast-revisited/> (дата обращения: 5 декабря 2024 г.). Репортаж об этом событии Сургутской студии неигрового кино ООО «Студия О.К.» см.: <https://surgutfilm.ru/medv/> (дата обращения: 5 декабря 2024 г.).

⁶ <https://eloka.nsidc.org/bears/bear-festivals> (дата обращения: 20 июня 2024 г.). В состав исполнителей входят: О. Балалаева, М. Чепреги, С. Попова, Т. Молданова, Т. Молданов, А. Сопочина и Е. Сурломкина.

⁷ Фрагмент медвежьего праздника 2010 г. представлен также на сайте общины коренных малочисленных народов севера «Яун-ях»: <https://yaoun-yakh.ru/ourculture/> (дата обращения: 20 июня 2024 г.).

⁸ https://eloka.nsidc.org/sites/default/files/documents/other/kinkem_kia_ioin_song_of_coming_of_bear.pdf (дата обращения: 20 июня 2024 г.).

и сравнительный анализ текстов современных медвежьих песен и песен из собрания К. Ф. Карьялайнена содержится в работах [Csepregi 1997, 2019], музыковедческий анализ медвежьих песен восточных хантов см. в работе [Niemi 2001].

На протяжении последнего десятилетия активную работу по сохранению медвежьего праздника восточных хантов проводит МАУ «Экоцентр» г. Мегион Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. В 2016 г. сотрудниками «Экоцентра» совместно с Т. А. Молдановым, руководителем «Окружной школы Медвежьих игр», было принято решение провести на территории музейно-этнографического и экологического парка «Югра» фестиваль «Хатлые» («Солнышко»), частью которого является реконструкция медвежьего праздника восточных хантов. Парк «Югра» находится в 42 км от г. Мегиона на берегу озера (см. рис. 1), где располагается музей-стойбище рода Казамкиных (см. рис. 2, 3). На этом месте с давних пор ханты проводили обряды и совершали жертвоприношения, место почитается как священное.

Рис. 1. Озеро Посажь юр.
Fig. 1. Lake Posaj Yor.

Рис. 2, 3. Музей-стойбище Казамкиных.
Figs. 2, 3. Camp museum of the Kazamkins family.

С 2016 г. проведено 9 праздников, воссозданы сценки, сделаны аудио- и видеозаписи обрядов [Жәтпәлі 2022; Сағалаев, Солдатова 2022; Сбитнев 2022; Солдатова 2022, 2023]. Подготовлены костюмы и необходимые для проведения праздника предметы: шапки, рукавицы, халаты, плетеные разноцветные пояса с кистями, традиционные хантыйские платки, резные посохи, маски и др. (см. рис. 4–7).

Одним из важных атрибутов исполнения священных песен является посох [Молданов 2018a] (см. рис. 6, 7). Его конец имеет форму наконечника копья с тремя насечками. К нему привязываются лоскуты разного цвета в зависимости от того, какому божеству посвящена песня. Во время исполнения одних песен к посоху был привязан только один белый лоскут, в других случаях – ткани белого, защитного и красного цветов. Один из участников праздника пояснил, что каждая лента обернута вокруг посоха три раза, что символизирует устройство мира. Конец посоха как бы пронзает все три мира. Исполнитель двигается по кругу, раскачивая при этом посох из стороны в сторону, стуча им перед началом и в конце исполнения, а также иногда и в середине песни. В профанных сценках посох используется как заместитель самых разных предметов – копья, стрелы, ружья, весла, удочки и т. п., а также символизирует фаллос.

Во время исполнения священных песен, обращенных разным божествам, исполнители надевают халаты белого, красного, синего, зеленого цветов, а также шапки с орнаментом и меховой опушкой (песцовой или лисьей) и рукавицы с изображением медведя-тотема в полный рост. В профанных сценках используются грубые халаты из темного сукна и берестяные маски.

Маски, как пояснили участники праздника, надеваются для того, чтобы медведь не узнал охотника, если он встретится с ним в лесу. Э. Вигет и О. Балалаева отмечают разный способ изготовления и ношения масок у западных и восточных хантов – прикрывая лицо или оставляя лицо открытым. На севере, у казымских хантов и у манси, маски изготавливаются из плоского куска бересты, к которому отдельно прикрепляется или вырезается нос. У восточных хантов маски делаются из длинного прямоугольного куска бересты с двумя длинными разрезами, разделяющими одну из коротких сторон куска на три примерно равные части. Конец средней части образует нос, который выступает, когда концы двух внешних частей соединены и завязаны. Такие маски надеваются на макушку, а не перед лицом [Wiget, Balalaeva 2022b: 37]. Встречаются также маски, вырезанные из дерева [Сынские ханты 2005: 161; и др.]. В записанном нами ритуале используются маски и западного, и восточного типов, как закрывающие лицо, так и сдвинутые вверх и оставляющие лицо открытым (см. рис. 8–13).

Рис. 4, 5, 6, 7. Предметы, используемые во время медвежьего праздника: шапки, платки, халаты, посохи.
Figs. 4, 5, 6, 7. Items used during the bear festival: hats, scarves, robes, staffs.

Рис. 8, 9, 10, 11, 12, 13. Берестяные маски отличаются большим разнообразием и мастерски отражают характеры персонажей.

Figs. 8, 9, 10, 11, 12, 13. The birch-bark masks are characterized by great variety and masterfully reflect the characters.

После окончания праздников часть атрибутов, в том числе медвежьи головы, передаются в музей или хранятся в священном лабазе парка «Югра» (см. рис. 14, 15).

Известным исполнителем, представлявшим традиции восточных хантов на протяжении многих лет, являлся Сергей Васильевич Кечимов – хранитель священного озера *Йам лор* (д. Русскинская Сургутского района). После его кончины в 2024 г. основным исполнителем стал Данила Николаевич Покачев, также проживающий на угодьях на р. Тромаган (д. Русскинская Сургутского района).

Рис. 14, 15. Медвежьи головы с предшествующих праздников, ставшие экспонатами экспозиции «Два народа, живущих по подолу земли» в музее Муниципального автономного учреждения «Экоцентр» (г. Мегион).

Figs. 14, 15. Bear heads from previous holidays, which became exhibits at the exposition “Two peoples living on the hem of the earth” in the museum of the Municipal Autonomous Institution “Ecocenter” (Megion).

6–9 июня 2024 г. в Музейно-экологическом комплексе «Югра» был проведен очередной медвежий праздник. В отличие от аналогичного ритуала 2022 г., представлявшего собой синтез восточной и северной хантыйских локальных особенностей [Сагалаев, Солдатова 2022; Солдатова 2023], данный обряд был целиком исполнен представителями восточнохантыйской традиции и отражал особенности медвежьего праздника сургутских хантов Тромагана. Организаторами было принято решение не приглашать большое количество гостей, чтобы провести как можно более качественную запись исполнения.

Ведущим исполнителем, спевшим большую часть священных медвежьих песен и определившим весь ход проведения обряда, стал Данила Николаевич Покачев (р. Тромаган). Кроме него, в обряде принимали участие Андрей Николаевич Ачимов (р. Юган), Егор Романович Кельмин (р. Юган) и Семен Григорьевич Рынков с сыном Яковом (р. Тромаган) (см. рис. 16).

За время праздника, по нашим подсчетам, было исполнено 28 песен, 17 сценок, 7 сказок, 2 танца, один наигрыш на хантыйской цитре – всего 55 произведений.

Рис. 16. Основные участники медвежьего праздника в июне 2024 г. (слева направо): Д. Н. Покачев, А. Н. Ачимов, С. Г. Рынков, Е. Р. Кельмин, Я. С. Рынков.

Fig. 16. Main participants of the bear festival in June 2024 (left to right): D. N. Pokachev, A. N. Achimov, S. G. Rynkov, E. R. Kelmin, and Y. S. Rynkov.

Помимо исполнителей, на празднике присутствовали Аграфена Семеновна Сопочина, принимавшая самое активное участие в шуточных сценках, Эльвира Никитовна Покачева (жена Д. Н. Покачева), Тамара Алексеевна Рынкова (жена С. Г. Рынкова), сотрудники Института филологии СО РАН Константин Андреевич Сагалаев и Наталья Борисовна Кошкарева, магистрант Томского государственного педагогического университета Аркадий Михайлович Лобода, сотрудник «Музея Природы и Человека» Александр Викторович Шмидт (г. Ханты-Мансийск) и сотрудники МАУ «Экоцентр» (г. Мегион): директор Руслана Богдановна Галив, главный хранитель фондов музея Елена Александровна Сергеева, эколог Расима Аламетдиновна Ибраева, оператор Вера Александровна Радущина и др.

Особенности аудио- и видеофиксации обряда

В прошлые годы праздник проводился в избушке на территории музея-стойбища рода Казымкиных, рядом с которой расположен электрогенератор, его шум негативно повлиял на качество предыдущих записей. Поэтому в 2024 г. было решено провести праздник в домике, находящемся на берегу озера вдали от источника посторонних шумов (см. рис. 17).

Помещение, в котором прошла большая часть обряда, представляет собой деревянный дом размером приблизительно 5,5 на 5,5 м с двумя окнами – по одному слева и справа. Для получения более качественного изображения окна были занавешены, а в комнате помимо электрического освещения – двух ламп под потолком – был установлен профессиональный источник света (см. рис. 18). Вдоль дальней стены (напротив входа) сделан помост, на котором был помещен медведь в традиционной жертвенной позе, украшенный и укрытый платками; перед медведем были расставлены угощения, чай, чаша с деньгами и чаша с горячей корой пихты или чагой. На этот же помост садились и исполнители, например во время пробуждающей или усыпляющей песни, либо пассивно участвующие в той или иной сценке. Вдоль обеих боковых стен стояли скамейки для зрителей, вдоль левой стены находился длинный стол, за которым расположилась часть исследователей с видео- и аудиозаписывающей аппаратурой (см. рис. 19, 20). На левой стене находится портрет Е. Д. Айпина, так как в этой избушке ранее проводился фестиваль в его честь.

Одной из целей проведения обряда была комплексная аудио-, видео- и фотофиксация для последующей расшифровки текстов. Для этого была применена методика непрерывной многокамерной съемки с параллельной записью звука на диктофон ZOOM. Одна камера, выключаемая лишь в явных паузах в действии, стояла на штативе в одном из углов дома, второй камерой с рук фиксировалось то же действие с актуального на текущий момент ракурса. Поскольку помещение было небольшим, широкоугольные объективы позволяли охватить действие полностью. Помимо этого, фрагментарную съемку со штатива на камеру, расположенную у левой стены, вела Н. Б. Кошкарева, а также время от времени вел съемку А. М. Лобода еще на одну камеру с рук. Отдельно видеосъемку на камеру со штатива производила сотрудница МАУ «Экоцентр» В. А. Радущина (см. рис. 20–22), звук записывался на радиомикрофоны («петли»), что позволило получить максимально высокое качество. Запись на мобильные телефоны и цифровые диктофоны вели и другие участники обряда.

Во всех случаях записи делались с разными целями, в разном объеме и с применением разной аппаратуры, что в конечном итоге дало различный в количественном и качественном отношении материал. По-видимому, следует оценить общее количество видеокамер и других записывающих устройств в небольшом помещении как критическое. В один из дней к ним добавилась съемочная группа местного телевидения, в той или иной степени оказавшая свое влияние как на исполнителей и зрителей, так и на исследователей, то и дело попадавших друг к другу в кадр и вынужденных, кроме собственно фиксации хода обряда, постоянно обращать внимание и на этот аспект события. Можно попытаться на монтаже минимизировать этот эффект, но полностью избавиться от него уже не удастся (см. рис. 23–26). Таким образом, обеспечена качественная аудиозапись исполнения произведений медвежьего праздника, но на видеозаписях в кадре почти всегда, помимо исполнителей, присутствуют исследователи с камерами и фотоаппаратами, что снижает аутентичность материалов.

Рис. 17. Слева – домик, в котором проводился праздник в июне 2024 г.

Fig. 17. On the left is the hut where the holiday was held in June 2024.

Рис. 18. Правая сторона избушки.

Fig. 18. The right side of the hut.

Рис. 19. Левая сторона избушки. Слева направо: Э. Н. Покачева, А. С. Сопочина, Н. Б. Кошкарева.

Fig. 19. The left side of the hut. From left to right: E. N. Pokacheva, A. S. Sopochina, N. B. Koshkareva.

Рис. 20. Расположение участников во время проведения праздника.

Fig. 20. Location of the participants during the holiday.

Рис. 21, 22. Операторы, проводившие регулярную профессиональную съемку:

В. А. Радушина (МАУ «Экоцентр») и К. А. Сагалаев (Институт филологии СО РАН).

Figs. 21, 22. Operators who conducted regular professional recording: V. A. Radushina (MAU “Ecocenter”) and K. A. Sagalaev (Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences).

Аналогичные проблемы с перенасыщенностью несколькими группами операторов в небольшом пространстве, где проводится съемка, отмечает и Ш. Дудек [Dudeck 2022].

Основная запись обряда производилась на две идентичные и одинаково настроенные видеокамеры Canon. Для наибольшей полноты охвата, в том числе и записанного звука, одна камера ставилась либо на помост (чаще в правый, но иногда и в левый угол), либо в один из углов возле входа. Съемка велась подряд и прекращалась лишь в явных перерывах между эпизодами обряда.

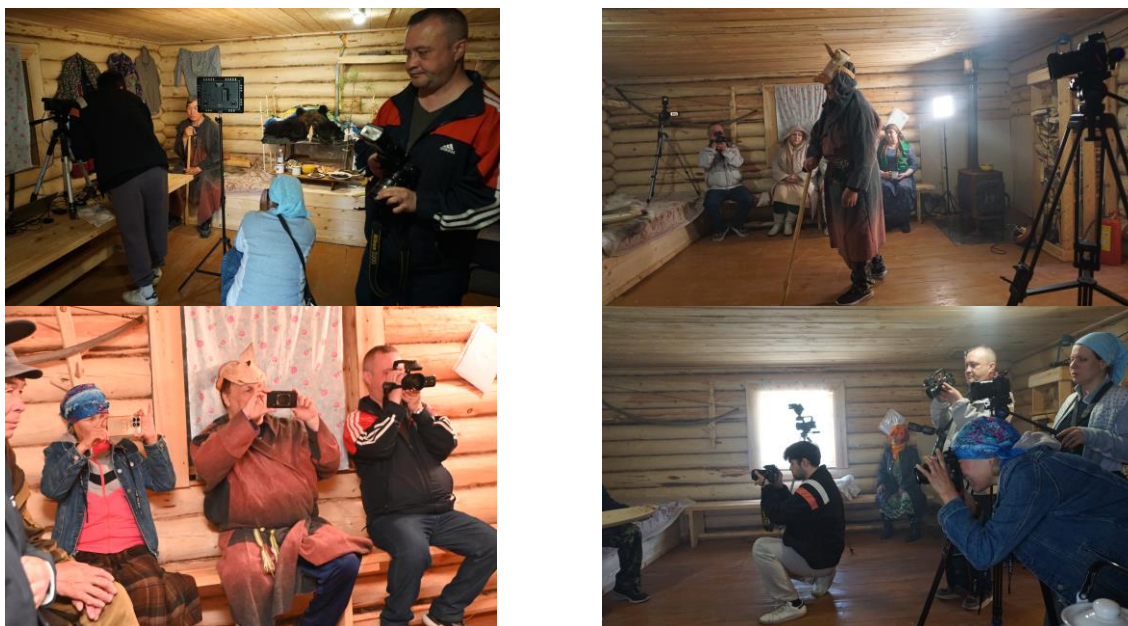

Рис. 23, 24, 25, 26. Съемка праздника.
Figs. 23, 24, 25, 26. Festival filming.

Поскольку оператора за этой камерой не было, некому было ее повернуть, когда действие происходило не там, куда была направлена камера, или исполнители выходили из кадра. Тем не менее и такие кадры могут быть полезны на монтаже хотя бы за счет полностью записанного звука. Съемка второй камерой производилась с рук с учетом происходящего действия и расположения остальных участников съемки; эта запись получилась более информативной в плане деталей за счет средних и крупных планов и движения камеры вслед за изменением ситуации. Там, где это было возможно, мы старались предугадать развитие событий исходя из имеющегося опыта в съемках аналогичных обрядов. Помимо фиксации, оператор часто осуществлял также фотосъемку обряда, и, к сожалению, не всегда удавалось успеть вовремя переключиться с фото- на видеосъемку; в таких случаях на монтаже также будут полезны кадры со статичной камеры в углу.

Методика съемки из двух противоположных углов оправдана еще и потому, что в ряде ситуаций исполнитель меняет свое положение и становится лицом то к медведю, то к зрителям по бокам, то к выходу, при этом исполнение не прекращается. Так происходило, например, при записи песен, когда Д. Н. Покачев периодически поворачивался по часовой стрелке. В сценках действие также часто перемещается из одного угла дома в другой.

В статье Ш. Дудека упоминается о том, что размещение камер во время проведения обряда в 2016 г. было согласовано с организаторами праздника во время гадания на голове медведя. Они предложили поместить одну камеру у задней стены, чтобы непрерывно фиксировать весь процесс, однако из-за ограничений работы цифровой аппаратуры по времени сделать это было невозможно, поэтому одна камера была установлена рядом с головой медведя у задней стены, чтобы обеспечить панорамный вид, как бы с точки зрения главного участника праздника – медведя, наблюдающего за происходящим. Вторая камера находилась в руках оператора, который перемещался по помещению в зависимости от происходящего [Dudeck 2022: 58–59].

Технические возможности аудио- и видеофиксации за последние 15 лет кардинальным образом изменились. Если в 2008 г. ситуация, в которой съемка ведется одновременно на две камеры, одна из которых фиксирует крупным планом рассказчика, а другая – слушателей и обстановку, представлялась идеальной и желательной, но еще не достижимой [Кошкарева 2008: 48], то в настоящее время наличие нескольких камер стало нормой, а возможно, даже и избыточно, и речь уже может идти о том, чтобы в полевых условиях в небольшом пространстве разместить несколько автоматически управляемых камер по периметру помещения таким образом, чтобы операторы не мешали друг другу.

Структура обряда

Участники праздника Андрей Николаевич Ачимов и Данила Николаевич Покачев с женой Эльвирой Никитовной приехали в Музейно-экологический комплекс «Югра» накануне первого дня праздника – 5 июня 2024 г. Медведя внесли в дом через правое окно (см. рис. 27). Такой путь медведя на праздник через боковое или заднее окно, а также через верхнее отверстие в чуме является особой приметой восточного ритуала. На севере ханты и манси заносят медведя через переднюю дверь, откуда его сначала несколько раз прогоняет человек с топором [Wiget, Balalaeva 2022b: 41].

Вечером Андрей Николаевич и Данила Николаевич прорепетировали исполнение нескольких песен, уточняя, в каком порядке перечисляются звери в песне, пробуждающей медведя (см. рис. 28).

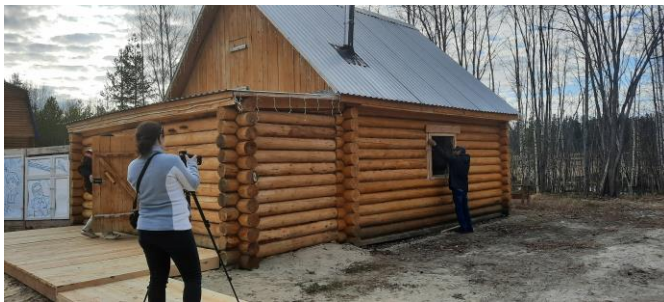

Рис. 27. Накануне праздника медведя заносят в дом через боковое окно.

Fig. 27. On the eve of the feast the bear is brought into the house through a side window.

Рис. 28. А. Н. Ачимов и Д. Н. Покачев репетируют исполнение пробуждающей песни.

Fig. 28. A. N. Achimov and D. N. Pokachev rehearsing a wake-up song.

1-й день, 6 июня 2024 г. Перед началом праздника провели подготовительные мероприятия: сделали новый столик, чтобы после праздника медведь остался в парке «Югра». Медведя уложили в жертвенной позе, глаза закрыли жетонами с символическим изображением медведя (см. рис. 29). Во время других праздников для этой цели использовались монеты; ср. на рис. 15 глаза медведицы закрыты монетами достоинством 5 руб.; в литературе имеется указание на то, что глаза закрывали медными пуговицами [Перевалова, Карачаров 2006: 163]. Использование медных жетонов с изображением медведя-тотема, а также рукавиц с таким же орнаментом, с одной стороны, и ритуальной позы медведя как добычи, с другой, демонстрирует синкретизм в отношении к медведю.

Медведя причесали специально выструганным гребешком (в фильме 2016 г.⁹ видно, что гребешок окунают в какую-то жидкость, в данном обряде этого не происходило). К столику прикрепили молоденькую сосну с привязанной к ней белой тканью (см. рис. 23). В литературе встречается упоминание о том, что используется кедр, который располагается с правой [Перевалова, Карачаров 2006: 162] или левой [Там же: 163] стороны, что дерево символизирует лес [Wiget, Balalaeva 2022b], но оно может быть и символом мирового дерева.

Мужчины выстругали специальную дощечку, которая по-хантыйски называется *pānək* / *pōnək*, обожгли ее на краю печки так, чтобы получилось 5 засечек, обозначающих, что добытый медведь – самец (см. рис. 31). Эту дощечку установили вертикально возле носа медведя, где она будет стоять, пока в конце праздника не прилетит ворон и не уронит ее. После праздника эта дощечка будет передана на память тому, кто добыл медведя. Как пояснил А. Н. Ачимов, дощечка все запомнит, вернется к хозяину и передаст ему информацию о празднике. В литературе дается другая интерпретация этого предмета: юганские ханты, в частности Егор Кинямин, считают ее имитацией наконечника стрелы, которая служит для того, чтобы не дать духу медведя навредить гостям, если они будут говорить о медведе слишком неуважительно [Wiget,

⁹ Здесь и далее речь идет о видеофильме «Eastern Khanty Bear ceremonial», созданном на основе компиляции записей обрядов 2010 и 2016 гг. Фильм размещен на сайте: <https://eloka.nsidc.org/bears/bear-festivals> (дата обращения: 20 июня 2024 г.).

Balalaeva 2022; Перевалова, Карачаров 2006: 163]. Р. П. Митусова упоминает о дощечке, имитирующей наконечник копья, которым якобы был убит медведь [Митусова 2016].

Приготовили кору пихты, чагу, стружки, которые используются в ритуале очищения, дымокур должен гореть постоянно. Достали молоточек, сплетенный в свое время С. В. Кечимовым из корней, которым на предыдущих праздниках ударяли участников, заснувших во время представления, чтобы их разбудить и привлечь внимание к происходящему (см. рис. 32)¹⁰.

Рис. 29. Глаза медведя закрыты жетонами с изображением медведя-тотема, стоящего в полный рост.

Fig. 29. The bear's eyes are covered with tokens with the image of a bear-totem, standing in full height.

Рис. 30. А. Н. Ачимов проводит приготовления к проведению праздника, расчесывает медведя.

Fig. 30. A. N. Achimov conducts preparations for the holiday, combing the bear.

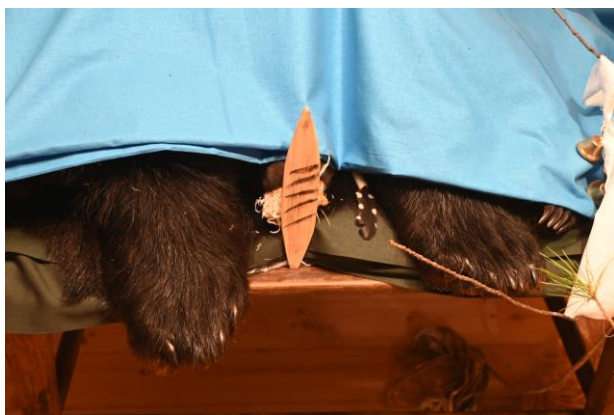

Рис. 31. Дощечка в форме наконечника копья или стрелы, на которую нанесено пять засечек, символизирующих пять душ особи мужского пола.

Fig. 31. A plaque in the shape of a spearhead with five serifs symbolizing the five souls of a male individual.

Рис. 32. Предметы, используемые во время ритуала очищения: кора пихты, чага, стружки, а также молоточек.

Fig. 32. Objects used during purification ritual: fir bark, chaga, shavings, and a hammer.

Затем обустроили место, на котором размещен медведь. Под ткань, на которой лежит медведь, подложили мох. А. Н. Ачимов срубил веточки (см. рис. 33), выстругал их, сделал из них оградку, переплетая прутья между собой (см. рис. 35, 36). В литературе указывается, что количество реек, из которых сооружается оградка, зависит от пола животного – пять для медведя и четыре для медведицы [Перевалова, Карачаров 2006: 163]. Однако в нашем случае количе-

¹⁰ Ср. размещение предметов во время аганского праздника: «С левой стороны в передней части помоста закрепляли небольшой кедр с колокольчиками. С правой стороны ставили “берестяные куженьки с загнутыми на одну сторону углами”, в них раскладывали угощения для “гостя”. Рядом с мордой клали “огниво и кремь”, “брусочки и молоточек-кочергу для костра”, “расческу”» [Перевалова, Карачаров 2006: 163].

ство горизонтальных реек равнялось семи, вертикальных – трем. Оградку установили по бокам. Наличие такой оградки и дощечки перед носом медведя является отличительной чертой восточнохантыйской традиции [Wiget, Balalaeva 2022: 32]. На Агане каждая ритуальная ночь отмечалась откалыванием одной рейки от медвежьего дома [Перевалова, Карачаров 2006: 164], во время описываемого нами праздника оградка осталась нетронутой (см. рис. 36; фотография сделана после завершения праздника, когда медведя вынесли на улицу).

Э. Н. Покачева прикрепила колокольчики (один большой керамический и пять маленьких) к лоскуту белой ткани, которая привязывается к деревцу (см. рис. 34). Звон колокольчиков сопровождает исполнение пробуждающей и усыпляющей медведя песни. Голову медведя покрыли синей тканью, позже украсили разноцветными тканями и платками, которые принесли гости праздника. На столике разложили угощение: конфеты, печенье, бутерброды, семечки. На употребление алкоголя во время праздника был наложен запрет, поэтому из напитков поставили только чай в кружках и воду, в другие дни ставили гранатовый сок в стеклянной бутылке, напоминающей винную. Справа лежат лук и музыкальные инструменты – хантыйская лютня и цитра (см. рис. 38). Несмотря на то, что во время праздника прозвучал лишь один наигрыш, они постоянно находились на священном месте, участники обряда время от времени брали их в руки, старались их настроить и поиграть.

Рис. 33. А. Н. Ачимов срубил веточки для изготовления оградки.

Fig. 33. A. N. Achimov cut down twigs for making a fence.

Рис. 34. Э. Н. Покачева привязывает колокольчики.

Fig. 34. E. N. Pokacheva is tying bells.

Рис. 35. Колокольчики, используемые во время пробуждающей и усыпляющей медведя песни.

Fig. 35. Bells are used in the performance of sacred songs, which are tied to a flap of white cloth attached to a tree.

Рис. 36. Место, на котором лежал медведь, после завершения праздника.

Fig. 36. Place where the bear was lying after the feast was over.

Рис. 37. Счетная палочка с насечками.

Fig. 37. Counting stick with notches.

Из дровяника выбрали небольшую дощечку, чтобы сделать из нее счетную палочку: зарубки обозначают, сколько произведений было исполнено во время праздника. На конце палочки часто вырезается голова медведя; ср., например, счетную палочку на рис. 15, имеющую сложную структуру: она разделена на части, символизирующие дни праздника. В описаниях аганского праздника отмечается также, что каждая сороковая песня обозначается длинной насечкой [Перевалова, Карачаров 2006: 163]. На этот раз изготовление палочки поручили А. М. Лободе, который делал это впервые. В течение всего праздника он делал зарубки на разных гранях палочки (см. рис. 37).

Общая сцена обряда не претерпела заметных изменений за 100 лет. Ср. с описанием аганского праздника, сделанного Р. П. Митусовой в 1924 г.: по бокам от медведя так же был сооружен каркас из дранок, с правой стороны был поставлен маленький кедр с колокольчиком, перед мордой зверя были размещены деревянный «наконечник стрелы», которым якобы был убит медведь, модель «очага», «молоточек» и «гребень», рядом стояли три куженьки с угощением – сушеной рыбой и хлебом, перед нарами лежало семь палок-посохов [Митусова 1926: 12–14].

Праздник начался с исполнения песни пробуждения медведя. Данила Николаевич одет в белый халат, подпоясанный плетеным разноцветным поясом с кистями, в шапке с песцовой оторочкой и в рукавицах. Андрей Николаевич также в белом халате и в шапке с лисьей оторочкой. В песне рассказывается о том, как 10 животных приходят к медведю. Во время исполнения Данила Николаевич дергает за лоскут, на котором привязаны колокольчики. Исполнение песни сопровождается звоном колокольчика (см. рис. 38, 39).

После того как медведь «проснулся», синюю ткань, которой он был укрыт, поднимают и приглашают всех присутствующих поздороваться с медведем. Данила Николаевич определяет порядок, в котором участники подходят приветствовать медведя: сначала мужчины, затем женщины – все присутствующие на празднике. Для приветствия были приглашены также все сотрудники парка «Югра» – охранники, повара, рабочие. Каждый подходит к медведю, кланяется ему, целует его лоб и лапы, затем поворачивается по солнцу и отходит (см. рис. 40). Данила Николаевич подсказывает новичкам, как надо кланяться, в каком порядке целовать медведя и что говорить, например: «Я твоя мама, ты меня не пугай», «Я твой сосед, помогай мне» и т. п. Перед медведем кладут подарки, деньги, угощение.

«Отцом» медведя назначили А. М. Лободу, «матерью» медведя – В. А. Радушину (см. рис. 41), которая расставила перед медведем угощение (см. рис. 42).

Рис. 38, 39. Д. Н. Покачев исполняет песню пробуждения медведя в разные дни праздника.
Figs. 38, 39. D. N. Pokachev performs the bear's awakening song on different days of the holiday.

После завершения процедуры приветствия Данила Николаевич угощает всех присутствующих, Андрей Николаевич рассказывает байки, разные истории про медведя, про то, как его добыли, как он наказывает людей, нарушивших обычаи, и др.

Когда участники возвратились в дом после обеда, А. В. Шмидт провел обряд очищения – обрызгал всех водой, зачерпывая ее чашкой из таза (см. рис. 43). Описание аналогичных действий см. [Кальман 2004; Wiget, Balalaeva 2022b].

Рис. 40. Приветствие медведя.
Fig. 40. Greeting of the bear.

Рис. 41. «Папа» и «мама» медведя –
А. М. Лобода и В. А. Радушина.
Fig. 41. The bear's "daddy" and "mommy" –
A. M. Loboda and V. A. Radushina.

Рис. 42. На столике разложены угощения: конфеты, печенье, бутерброды, семечки, чай, вода.
Справа лежат лук и музыкальные инструменты.
Fig. 42. Treats placed on the table: candy, cookies, sandwiches, seeds, tea, water.
On the right side are bow and musical instruments.

Данила Николаевич выстругал мундштук, передал его Руслане Богдановне, чтобы она могла подарить его медведю (см. рис. 44). Ср. в описании аганского праздника в качестве ритуальных предметов, которые раскладываются перед медведем, упоминаются огниво и кремь [Перева-лова, Карачаров 2006: 163], по-видимому, как предметы, ассоциированные с огнем и дымом.

Во второй половине дня Данила Николаевич исполнил три песни в разных костюмах (см. рис. 45–47). Перед исполнением очередной песни и после ее завершения Данила Николаевич стучит посохом в пол. Во время пения он поворачивается по кругу, раскачиваясь и раскачивая посох из стороны в сторону.

Рис. 43. Обряд очищения водой, который проводит А. В. Шмидт.

Fig. 43. Rite of purification with water, conducted by A. V. Schmidt.

Рис. 44. Мундштук для подарка медведю.

Fig. 44. Mouthpiece to be presented to a bear.

Рис. 45, 46, 47. Д. Н. Покачев исполняет разные песни.

Figs. 45, 46, 47. D. N. Pokachev performs different songs.

После песен разыгрываются шуточные сценки. К их исполнению привлекают всех присутствующих. Например, в сценке, посвященной выборам невесты, роль старика, который решил жениться, исполняет А. М. Лобода (в берестяной маске; см. рис. 48). В других сценках были задействованы и авторы этой статьи. Всего во второй половине дня было разыграно несколько сценок (про женитьбу старика, про сватовство, условием которого является умение рассказывать сказки, про рыбалку, про лесной туалет и т. д.), исполнено две сказки и две песни (см. рис. 48–52).

Рис. 48, 49. Шуточные сценки.

Fig. 48, 49. Joking scenes.

Перед исполнением сказки Андрей Николаевич подходит к участникам, берет за руку и просит: «Сказку дай!». В другие дни представление сказок предвлялось их «поисками», когда исполнитель входил в дом, обходил присутствующих, пытаясь найти сказку везде, даже под полом у женщин, спрашивал каждого: «Сказка у тебя есть?»

Одна из сказок, рассказанная во время праздника, содержит известный сюжет про плута, который всех обманывает: притворяется, что волшебным ножом убивает жену, после чего она оживает и начинает работать намного быстрее; подсыпав золу, делает вид, что у него есть котел, который стоит посреди пола и как будто сам кипит; выпускает собаку, которая будто бы охотится сама. Доверчивые купцы за большие деньги покупают у него волшебный нож, котел, собаку, в результате убивают своих жен и оказываются в разных затруднительных ситуациях. За такие проделки царь отдает приказ утопить его в проруби. Но он заманивает вместо себя в мешок жадного купца, говоря, что он, сидя в мешке, пересчитывает деньги, а сам выбирается наружу и избегает наказания.

В другой сказке рассказывается о непослушных мышатах. Их мать, уходя на рыбалку, предупредила, чтобы они не шумели, не то придет менк¹¹ и их съест. Но мышатам было интересно посмотреть на менка, поэтому они так шумели, что было слышно на другом берегу реки. Они разбудили менка, менк пришел, хотел их съесть, но благодаря находчивости и смекалке мышатам удалось с ним справиться. Мать прибежала, содрала с менка шкуру.

Первый день заканчивается усыпляющей медведя песней. Данила Николаевич исполняет песню в белом халате, в шапке с медвежьей оторочкой, в рукавицах, Андрей Николаевич в суконном халате, шапке, подыгрывает на музыкальном инструменте. Создается эффект двухголосия. Исполнение сопровождается звоном колокольчика. После окончания песни Андрей Николаевич натягивает покрывало медведю на глаза.

В первый день исполнено 8 песен, 2 сценки, 2 сказки.

6 июня вечером к игрищам присоединился Егор Романович Кельмин (уроженец с. Угут, тренер по единоборствам).

2-й день, 7 июня 2024 г. Данила Николаевич исполняет песню пробуждения медведя. Рядом с ним сидят Егор Романович в шапке и суконном халате и Андрей Николаевич в суконном халате и в берестяной маске, они держат в руках хантыйскую цитру и лютню (см. рис. 40). После того как медведь проснулся, все присутствующие, как и в предыдущий день, подходят его приветствовать. Затем исполняются три шуточные сценки *турсэм*: 1) про ленивого рыбака, который сам ничего не ловит, съедает рыбу, добытую его братом; исполнение сценки сопровождается звукоподражанием, имитирующим жадное глотание пищи, сценка заканчивается потасовкой (см. рис. 50, 51); 2) сценка, высмеивающая жадность: рыбак несколько раз забрасывает удочку (веревку), попадает маленькая рыбка, он ее выбрасывает, в четвертый раз забрасывает – веревка не вытаскивается; рыбак думает, что наконец-то поймал большую рыбу; на самом деле веревка зацепилась за бревно (вместо бревна используется огнетушитель); рыбаку приходится раздеваться, лезть в холодную воду, он остается без добычи (см. рис. 52); 3) сценка, высмеивающая пьянство: рыбак встречает *Йам ики*, тот пьет что-то вкусное, рыбак выпрашивает у него «хорошей воды», на запах алкоголя прилетает овод, рыбак отрывает ему носик, ноги сами просятся в танец, в голове дурь, рыбак нахваливает мужика, у которого есть еще выпивка; пьяные, уходят вместе к этому мужику (см. рис. 53).

Данила Николаевич в красном халате с поясом, с посохом в руках исполняет песню про солнце, которое всегда сопровождает человека. Во время исполнения проходит по кругу, раскачивая посох. Божество *Йиук кул, тоьт кул савану зон* (Хозяин водяной рыбы, илистой рыбы) отправляет *Ас ики* (хозяина Оби) проверить все реки, озера, заливные луга, есть ли в них рыба. Везде ходит, спрашивает, есть ли в них рыба. Проверил в омуте: вода в нем крутится, там тоже, оказывается, рыба есть. Обошел все реки и озера и убедился: рыба в них есть. Духи хвалят, что он все осмотрел. Спокойно сел и стал Верховным правителем рыб.

¹¹ Менк (менгк, менкв) – мифическое лесное существо в обско-угорской мифологии, антропоморфный великан-людоед, покрытый шерстью, неуклюжий и неповоротливый, герой обычно побеждает его при помощи хитрости.

*Рис. 50, 51. Сценка про двух братьев, один из которых ворует рыбу.
Figs. 50, 51. Scene about two brothers, one of whom steals fish.*

*Рис. 52. Сценка про рыбака, поймавшего бревно.
Fig. 52. Scene about a fisherman catching a log.*

*Рис. 53. Сценка, высмеивающая пьяного рыбака.
Fig. 53. Scene mocking a drunken fisherman.*

После обеда все присутствующие делали из теста фигурки зверей, символизирующих стадо, богатство. Эльвира Никитовна и Расима Аламетдиновна запекли их особым способом в традиционной хантыйской печи в музее-стойбище Казамкиных (см. рис. 54). В фильме 2016 г. аналогичные фигурки вырезались ножом из пластов белого хлеба. В других ритуалах извечно использование деревянных фигурок. Позже, после исполнения песни о появлении Млечного пути, фигурки оленей символически «разделяются» (см. рис. 55), и Данила Николаевич раздает определенные их части участникам праздника.

*Рис. 54. Фигурки зверей из теста, запеченные в традиционной печи.
Fig. 54. Figures of animals made of dough baked in a traditional oven.*

*Рис. 55. Фигурки из теста разделяют на части, чтобы раздать всем присутствующим.
Fig. 55. The dough figures are divided into pieces to be distributed to all those present.*

Данила Николаевич исполняет песню про журавля. Журавль прилетел с юга в родные края, свил гнездо там же, где гнезвился в прошлом году, журавлиха снесла яйца, высиживает их. Крадется лиса, приближается все ближе и ближе, журавль все сидит. Когда лиса подобралась совсем близко, журавль расправил крылья, бросился на лису. Лиса бежит, цепляется за ветки,

заводит журавля в кустарник, откуда ему не взлететь. Лиса бросается в несколько прыжков назад и съедает яички. Лето заканчивается, наступает осень, и журавлю приходится лететь обратно без детенышей. Журавль улетает.

Далее исполняются сценки, сопровождающиеся танцами (см. рис. 56). В одной из сценок изображается сватовство. В роли сватов выступают Данила Николаевич и Егор Романович. Женщины сидят, покрытые платками. У «женщины», роль которой исполняет А. В. Шмидт (см. рис. 57), спрашивают, сколько ей лет. Она отвечает, что ей 100 лет. Сваты выбирают именно ее, уводят, чтобы сыграть с ней свадьбу. В других сценках женихи меряются силой, хвастаются своей сноровкой.

Рис. 56, 57. Шуточные сценки.
Figs. 56, 57. Joking scenes.

После шуточных сценок Данила Николаевич в белом халате с поясом, в шапке, рукавицах и с посохом в руках исполняет песню о том, как появился Млечный путь. На посохе завязаны ленты белого, красного и защитного цвета, символизирующие разные стихии (см. рис. 58). Первоначально лось был шестиногим и бегал очень быстро, никто не мог за ним угнаться. Торум погнался за ним в верховьях Тромагана по водораздельной гряде и даже не заметил, как упустил лося. Бегал-бегал, никак не мог поймать. Думает: раз я, божество, не могу его поймать, то ведь простой человек тем более не сможет его догнать, не попробует его мяса. По всем рекам гонялся, добежал до Уральских гор (*Вици тывам кăв рăп* 'Вечно существующие каменные горы'), пару ног отрубил, вверх бросил, они превратились в Большую Медведицу. Задняя часть превратилась в звезду Утренней зари – *Алэу куһал җос*. Пока горит тоненькая полоска бересты, он успевает обойти всю землю. Его дорога превратилась в Млечный путь.

После исполнения этой песни Данила Николаевич раздал всем «части оленя» – кусочки выпечки, комментируя, какая часть кому предназначена (см. рис. 54, 55).

Далее Данила Николаевич рассказывает сказку о бурундучке, который делает запасы, таскает домой разные ягоды. Норка уже вся заполнилась, вся забита ягодками. Думает: дай-ка сбегаю еще разок. Возвращается назад, подходит к норке, смотрит, а двери открыты. Что такое? Подходит – оттуда квакает лягушка. Бурундучок пугается и убегает. Навстречу ему идет медведь. Бурундучок просит: «Ты ведь такой большой, зайди, посмотри, что там внутри». Медведь говорит: «Оказывается, тебя напугала лягушечка».

Вечером на праздник приехали новые гости – Семен Григорьевич Рынков, его жена Тамара Алексеевна, сын Яков и Аграфена Семеновна Сопочина. Приехавшие здороваются с медведем, дарят ему подарки.

После исполнения песни Егор Романович, Андрей Николаевич и Яков разыгрывают сценку, в которой участники демонстрируют свою силу, борются, сценка заканчивается танцем.

Священную песню о медведе исполняет Семен Григорьевич (см. рис. 59). Все лето медведь бродил, собирал ягоды, грибы, готовился к зимней спячке. Осень настала, он сделал берлогу. Все, что нужно, приготовил, выложил берлогу листьями, залег. Проснулся оттого, что очень захотел есть, обсасывает когти, никак не насытится. Вышел из берлоги – еще темно, решил спать дальше. Снова вышел – на улице капель, начал искать пропитание. Нашел трухлявый

пень, думает: вот бы найти человеческое дитя, растер бы его, как этот пень. Встретил человека, тот его убил, так как медведь стал потреблять мясо не по правилам. Душа медведя в виде комара отправилась к верховному божеству. 100 медведей вышли воевать с людьми, перевернули все поселение снизу вверх и сверху вниз. Тогда человек спрашивает: «Почему вы так поступаете?» Один из 100 медведей отвечает, что с мясом надо поступать по обряду, нельзя потреблять мясо просто так.

Исполнение некоторых песен в этот день заканчивается танцами, чтобы медведь порадовался, для его развлечения. День заканчивается песней, усыпляющей медведя (см. рис. 60).

Рис. 58. Д. Н. Покачев исполняет песню о шестиногом лосе, о происхождении звезд, созвездий и Млечного пути.
Fig. 58. D. N. Pokachev performs a song about a six-legged elk, about the proorigin of stars, constellations and the Milky Way.

Рис. 59. С. Г. Рынков исполняет медвежью песню.
Fig. 59. S. G. Rynkov performs a bear song.

Рис. 60. Исполнение песни, усыпляющей медведя.
Fig. 60. Performance of a song with which to put the bear to sleep.

В этот день исполнено 7 песен, 5 сценок, некоторые из которых сопровождаются танцами, 1 сказка, 1 танец.

Вечером, после завершения второго дня праздника, Данила Николаевич исполнил песню-сказку о трех братьях, которые улетели в образе гагар. Как он пояснил, песни и сказки он перенял в основном от дедушки по материнской линии (его фамилия предположительно была Рускин): когда вечерами все собирались дома и ложились спать, долго рассказывали сказки, которые запомнились с детства. Две сказки рассказала также Аграфена Семеновна.

3-й день, 8 июня 2024 г. День начался с обряда бескровного жертвоприношения *поры*, который провел Семен Григорьевич на стойбище Казамкиных. Около 8 часов утра в дверь домика, где проживали А. С. Сопочина и Н. Б. Кошкарева, постучали мужчины и пригласили к себе. К. А. Сагалаев случайно увидел приготовления к обряду, и его тоже пригласили принять в нем участие. Возможно, первоначально участие в обряде посторонних не планировалось, но в результате к нему присоединились все исследователи – Н. Б. Кошкарева, К. А. Сагалаев, А. В. Шмидт, А. М. Лобода, В. А. Радушина. На запись основной части ритуала – произнесение сакральных текстов – был наложен жесткий запрет [Сагалаев 2024: 147]. Сняты были лишь подготовка к обряду – раскладывание на земле цветных отрезов ткани, угощений и разжигание огня, трапеза после завершения и привязывание ткани к деревьям на священном месте.

Обряд начался с того, что Семен Григорьевич с женой Тamarой Алексеевной и Аграфеной Семеновной подошли к озеру, он громко крикнул, прочитал короткую молитву, бросил в озеро монеты. Когда все вместе дошли до площадки на полпути до музея-стойбища Казамкиных, все остановились, Семен Григорьевич прочитал молитву, бросил бумажную купюру в воду, она осталась на плаву (см. рис. 61).

На стойбище обряд проводили за домом, позади которого стоит священный лабаз. Мужчины обошли дом с левой стороны и расположились между задней частью дома и священным лабазом, расстелили светлую ткань в цветочек, развели небольшой огонь для очищения предметов: денег, тканей и др. (см. рис. 62–64). Достали отрезки разных тканей: белый отрез длиной 7 м, предназначенный для верховного божества, Семен Григорьевич сложил вдвое и завязал на него светлый платок в цветочек. Данила Николаевич взял отрез белой ткани длиной примерно 3 м,

предназначенный для местного божества. Семен Григорьевич и Данила Николаевич одновременно обращались один к верховному божеству, другой к местному божеству с просьбой, чтобы они покружились над нами, послали удачу и благополучие. Затем Данила Николаевич взял отрез голубой ткани в цветочек, который Н. Б. Кошкарева перед началом обряда «купила» за символическую плату у Аграфены Семеновны, и от ее имени обратился к божествам земли. Затем Семен Григорьевич и Данила Николаевич взяли красную ткань. Семен Григорьевич обращался к *Най ими*, Данила Николаевич – к богине домашнего очага. Черная ткань была предназначена для божества подземного мира, белую ткань в цветочек оставили для приношения водному божеству.

Семен Григорьевич и Данила Николаевич одновременно читали молитвы, время от времени издавая громкие крики. В какой-то момент они сказали Андрею Николаевичу также перечислять имена божеств. Тот сказал: «Я не умею». Данила Николаевич ответил: «Как умеешь». Одновременно они втроем обращались к божествам. По свидетельству Аграфены Семеновны, есть устойчивые обороты – обращения к божествам, которые должны повторяться в определенном порядке, но в зависимости от ситуации возможны вариации. После окончания молитвы мужчины пошли по тропинке к священному дереву, на которое подняли ткани, предназначенные для божеств верхнего мира (см. рис. 65, 66), обошли дерево. Ткани, предназначенные для божеств нижнего мира, разложили на земле (см. рис. 67). Когда мужчины вернулись, началось угощение. Перенесли угощение (чай, консервированная каша с тушенкой, печенье, конфеты) в то место, где в стороне от избушки стояли женщины: это божества приняли жертву и послали людям угощение.

На обратном пути на озере оставили ткань для божества водного мира рядом с денежной купюрой (см. рис. 68). Семен Григорьевич прочитал молитву, выкрики разносились эхом далеко над озером.

Не до конца понятно, было ли проведение бескровного жертвоприношения альтернативой жертвоприношению оленя, которое в этот раз не проводилось. Один из участников объяснил, что этот обряд не относится к медвежьему празднику: все, кто приехал на это священное место, должны устроить *поры* для духов данного места.

Рис. 61. Денежное жертвоприношение.
Fig. 61. Money sacrifice.

Рис. 62. Подготовка к обряду бескровного жертвоприношения *поры*.
Fig. 62. Preparation for the rite of bloodless *pory* sacrifice.

Рис. 63, 64. Ткани, предназначенные для разных божеств.
Figs. 63, 64. Fabrics intended for different deities.

Рис. 65, 66. После завершения обряда ткани, предназначенные божествам верхнего мира, развешиваются на священном дереве.

Figs. 65, 66. After the rite is completed, the cloths intended for the deities of the upper world, are hung on the sacred tree.

Рис. 67. Ткани, предназначенные божествам нижнего мира, раскладываются на земле.

Fig. 67. The cloths intended for the deities of the lower world are laid out on a sacred tree.

Рис. 68. С. Г. Рынков опускает в озеро ткань, предназначенную божествам водной стихии.

Fig. 68. S. G. Rynkov dips a cloth, intended for the water deity, into the lake.

После возвращения продолжился медвежий праздник. Перед его началом Андрей Николаевич обрызгал холодной водой от растаявшего снега, который местами еще лежал на земле, женщин и всех присутствующих, которых вчера не было: «Чем больше попало, тем больше будет удачи. Удачи вам всем». Затем обрызгал и всех остальных.

Данила Николаевич, в белом халате, в шапке с опушкой, в рукавицах, исполняет песню пробуждения медведя. Рядом с ним находятся Семен Григорьевич в синем халате, в шапке с опушкой, в рукавицах, Андрей Николаевич и Егор Романович в суконных халатах и в берестяных масках, Яков в черном халате и в берестяной маске. Все мужчины с посохами. После завершения песни Андрей Николаевич открывает покрывала, все по очереди здороваются с медведем. Данила Николаевич показывает, кому подходить. Сначала подходят ханты, потом все прочие, присутствующие на празднике.

Данила Николаевич тихо обращается к медведю, просит, чтобы краем глаза медведь проследил за малыми мальчиками и девочками, чтобы у них, когда они ходят по лесу, все было в порядке. Три раза кланяется и поворачивается. Присутствующие просят у медведя песен и сказок, чтобы он вложил их в голову исполнителям.

Яков рассказывает сказку о птичке, которая вместо «мордушки» (вид рыболовной ловушки) поставила на реке свои штаны, чтобы наловить рыбы. Когда к нему пришел менк, он сказал ему заходить в дверь спиной, так как дверь маленькая. Когда спина менка показалась в дверях, он воткнул ему раскаленную пешню.

Семен Григорьевич исполняет песню о бедных муже и жене, которые вырастили медвежонка. Когда тот вырос, решил жениться. Сначала он посватался к царской дочери, она отказала. Потом посватался к купеческой дочери, она тоже отказала. Наконец посватался к бедной соседке, она сначала согласилась, но тут появился богатый жених, и она ему тоже отказала. В конце концов медведь превратился в красивого мужчину.

В сценке охоты Данила Николаевич играет роль охотника, который стреляет в утку в исполнении Егора Романовича.

Данила Николаевич исполняет песню глухаря *кор-кор-кор*. Глухарь рассказывает, что лиса нашла кучу рыбы, а она принадлежала городскому богатырю *Воч ворт ики*. Он обнаруживает пропажу и гонится за лисой. Лиса последовательно обращается к своим глазам, ногам, они отвечают, что помогли ей убежать. А хвост говорит, что он туда-сюда болтался, мешал бежать. Собаки догнали лису, оторвали ей хвост.

Исполняется несколько шуточных сенок (см. рис. 69–71). В одной из сенок сватовства принимают участие Данила Николаевич и три женщины, прикрытые платками. Роль одной из них исполняет Андрей Николаевич. Участники сценки поют, танцуют, сватовство заканчивается потасовкой.

После этого Семен Григорьевич исполняет наигрыш на нарсьюхе, Егор Романович демонстрирует приемы хантыйского единоборства *пути кйт* 'рука медведя', борется с Андреем Николаевичем. Далее следует традиционная сценка о хвастливом охотнике, который якобы не боялся медведя, но испугался маленькой мышки. Семен Григорьевич и Яков исполняют танец, Данила Николаевич – личную песню С. В. Кечимова.

В следующей песне Данилы Николаевича говорится о том, что люди приехали свататься, а хозяева решили, что воевать. Девушка не хочет идти замуж, ее связали и насильно увезли. Один человек приходит в гости и видит: там много людей, почему-то они таскают сани, делают работу вместо оленей. Ему говорят: «Ты долго ехал, наверное, проголодался». Девушку связали, положили ему на нарты. Он говорит девушке: «Я ем только оленей, людей я не ем. Заходи в мой дом, там моя жена, она тебя угостит». Отпустил оленей. Жена угощает девушку. Устроил пир с двумя женщинами. Во время пира приезжает тесть в санях, запряженных людьми. Хотят устроить жертвоприношение – семь белых оленей. Хозяин отказывается, просит отпустить людей. Людей отпустили, принесли в жертву семь оленей. Хозяин обращается к людям, которые тащили нарты: вы езжайте к себе домой, только назад не оглядывайтесь, я пришлю вам оленей – тысячи оленей. Люди дошли до дому, зашли в кораль, видят: собачка загоняет туда оленей. Заповедано, чтобы на людях не ездили, а ездили на оленях, чтобы в жертву приносили только оленей. Так они стали богами: зять стал хранителем оленей, девушка стала богиней, охраняющей землю, тесть стал богом на севере.

Еще одну шуточную сценку сватовства разыгрывают Андрей Николаевич, Яков и Аграфена Семеновна. Мужчины показывают силу, каждый хочет понравиться девушке. Она сначала выбирает старого, потому что он дарит ей платок, но потом бросает платок и уходит с молодым.

Семен Григорьевич рассказывает сказку о трех женах (см. рис. 72). Один женатый человек уснул. Ему снится, что он шел, шел и пришел к чуму, вокруг которого бегают черные олени. В чуме старушка, уложила его спать и лезет к нему за пазуху. Он от нее ушел. Увидел избушку, рядом пестрые олени. Опять старушка напоила-накормила его, лезет к нему, он отказывается. Пошел дальше, увидел белый чум, вокруг него видимо-невидимо белых оленей. В чуме опять старушка, снова к нему пристаёт. Он думает: ладно, у нее ведь много оленей, не важно, что она уже старая. Откочевал, по пути забрал всех старушек, говорит им: «Подождите меня, я к своей жене схожу». Во сне кричит жене: «Ты с этими женами не ругайся, у них много оленей». Будят его, никак не могут разбудить. Жена побежала к брату мужа, который жил неподалеку. Еле-еле разбудили. Проснулся – ни оленей, ни жен, ничего нет.

В следующей сценке Егор Романович изображает ветер, который дует так сильно, что может разрушить дом. Его просят не дуть так сильно, чтобы ничего не разрушить.

Данила Николаевич исполняет песню, аккомпанируя себе на хантыйской лютне, Егор Романович подыгрывает на нарсьюхе.

В завершение очередного дня Данила Николаевич исполняет усыпляющую медведя песню.

Рис. 69, 70, 71, 72. Шуточные сценки.
Figs. 69, 70, 71, 72. Joking scenes.

В третий день исполнено 7 песен, 6 сценок, 2 сказки, 1 наигрыш, 1 танец.

Вечером после ужина в административном корпусе было записано еще несколько хантыйских сказок и песен в исполнении разных участников праздника.

4-й день, 9 июня 2024 г. Как обычно, Данила Николаевич исполняет песню пробуждения медведя. Семен Григорьевич в берестяной маске (со злым выражением), Яков в черном халате и заостренной сверху берестяной маске, Егор Романович в суконном халате и в берестяной маске птички с клювом.

После окончания песни Андрей Николаевич открывает медведя, поправляет жетоны на глазах, расчесывает. Данила Николаевич подает ему веревочку с колокольчиками, Андрей Николаевич сворачивает ее и складывает справа от медведя. Расставляют угощение на столике, все подходят по очереди и здороваются с медведем.

Данила Николаевич обращается к медведю, затем подзывает отца и мать медведя. К этому моменту А. М. Лобода, «отец медведя», уже уехал. Данила Николаевич восклицает: «Как уехал? Как сына бросил? Пусть мама скажет: папа уехал, мама здесь». В. А. Радушина приветствует медведя словами: «Я мама, папа уехал. Я тоже уеду. С тобой остаются две няньки. Ты их не обижай, оберегай, помогай».

Затем Данила Николаевич исполняет песню, держа в руках посох, на котором завязаны ленты: белая сверху, защитного цвета посередине, красная внизу. Во время пения передвигается по кругу, останавливается в четырех точках. Заканчивает песню, постукивая по полу много раз, обходя по кругу.

Далее исполняется еще одна сценка сватовства, в которой принимают участие Андрей Николаевич, Яков, Егор Романович и Аграфена Семеновна. Андрей Николаевич ходит по деревне, ищет невесту, носит с собой большой мешок. Все отказывают, но в одном доме заметили, что в мешке много денег. Жених выбрал младшую дочь, они с ней ушли в полог. Жених сразу заснул, а родственники ночью подменили младшую дочь на старшую. Так незадачливый жених ушел со старшей дочерью, а за младшую, наверное, родители возьмут калым еще не раз. В этот день исполняется еще несколько сценок про рыбалку, про угощение и т. п.

Семен Григорьевич рассказывает сказку про священное озеро *Йэм дор*, которую посвятил памяти С. В. Кечимова – его хранителя, но, как он сам заметил, он рассказывает ее по-своему. Еще одну сказку рассказывает Андрей Николаевич. Данила Николаевич исполняет песню, которая заканчивается танцем.

После обеда Данила Николаевич исполняет длинную священную песню, которая звучит около двух часов, но он не стал пересказывать ее содержание, видимо устав или не считая возможным передавать сакральный текст обычным языком.

В последний день приезжает еще одна гостья праздника – Светлана Алексеевна Хунзи, носительница шурышкарского диалекта, она исполнила для медведя песни и женский танец.

В конце праздника, как его завершение, появляются ворон и журавль, разоряющие гнездо медведя. Сценка с журавлем, как объяснили исполнители, получилась не совсем правильной, так как не было маленьких кузенок, необходимых для нее. Андрей Николаевич в черном халате исполняет роль ворона. На этом медвежий праздник заканчивается, медведя выносят на улицу, его путь усыпан сухой травой. Ср. в фильме 2016 г. на дорогу медведя был положен длинный отрез белой ткани, а в аганском празднике все участники выстраивались с двух сторон от медвежьей головы и до порога, взявшись за мизинцы, мужчины с одной стороны, женщины с другой, первые «брали медведя за пальцы» (привязанные к рейкам «медвежьего дома» сухожилия). Исполнялась песня-миф, сопровождавшая «проводы души медведя на небо» [Перевалова, Карачаров 2006: 164, 166]. Наличие особой дороги как уникальной приметы восточного праздника отмечено и в обряде хантов Малого Югана: расколотые поленья (пять для самца и четыре для самки) укладываются с промежутками под прямым углом к воображаемому пути от места, где находится медведь, до двери дома, они символизируют ступени лестницы в верхний мир. Поверх них стелется подстилка из чистой высушенной соломы, сделанной из высокой речной травы. Сверху на всю длину дороги от дома медведя до двери расстилается новая белая ткань шириной около метра. Вынос медведя сопровождается исполнением песни отправления медведя домой [Wiget, Balalaeva 2022b: 40–41]. Такого сложного завершения праздника нами зафиксировано не было.

После окончания праздника шкура и череп медведя положены на хранение в священный лабаз (см. рис. 73, 74).

В четвертый день исполнено 6 песен, 4 сценки, 2 сказки.

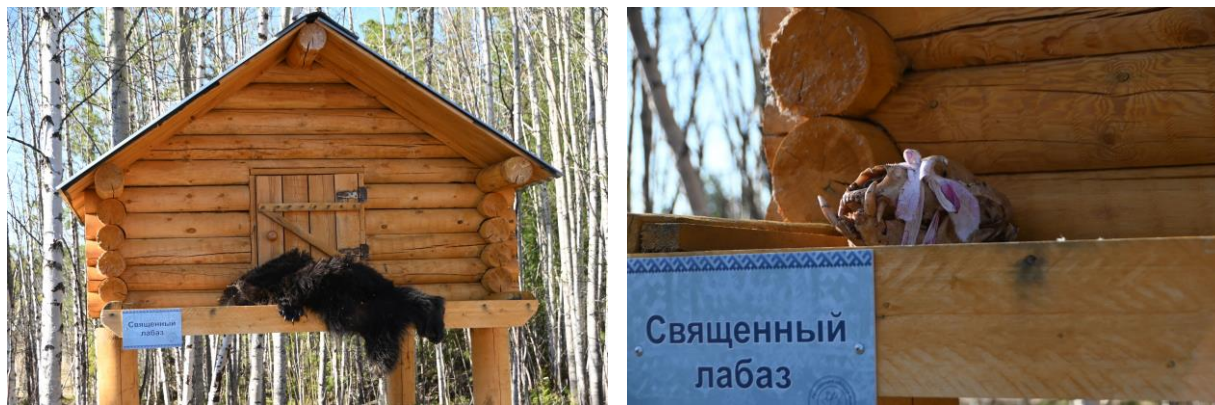

Рис. 73, 74. Священный лабаз, куда положены на хранение шкура и череп медведя.

Figs. 73, 74. Sacred shed, where the skin and skull of a bear are deposited.

Рис. 75. Участники медвежьего праздника.
Fig. 75. Participants of the bear festival.

Специфика восточнохантыйской традиции проведения медвежьего праздника

В трудах многих исследователей отмечаются различия западнохантыйской и восточнохантыйской традиций проведения медвежьего праздника. Так, К. Ф. Карьялайнен подчеркивает, что на Иртыше более значимы церемонии доставки добытого зверя домой, а на севере – обряды во время пиршества [Карьялайнен 1996: 145]. У восточных хантов, в отличие от западных, широко распространены песни-импровизации, а не собственно медвежьи песни [Там же: 171].

По мнению З. П. Соколовой, у восточных хантов отсутствуют представления о медведе как о предке фратрии, сыне богатыря, культурном герое, духе – охранителе семьи, представителе истины и справедливости, нет периодических праздников и связанных с ними элементов, бутафория праздника намного беднее; нет масок менквов с конскими хвостами. Таким образом, в медвежьем празднике восточных хантов нет элементов южного либо более позднего происхождения; в нем больше элементов, связанных с охотой на медведя, чем с поеданием его мяса, в том числе и архаичных [Соколова 2002].

Самый подробный сравнительный анализ нескольких восточнохантыйских медвежьих праздников содержится в работе Э. Вигета и О. Балалаевой [Wiget, Balalaeva 2022b]. Отметим некоторые параллели описанных ими и зафиксированного нами праздника.

Устойчивым действием, общим для всех обско-угорских традиций, является очищение снегом или водой, а также окуривание помещения. Цикличность праздника состоит в одинаковом начале и завершении каждого дня: день начинается песней пробуждения медведя, его приветствием, угощением, заканчивается усыпляющей песней.

Э. Вигет и О. Балалаева со слов П. Курломкина (р. Большой Юган) перечисляют песни, которые исполняются в разные дни праздника: в первый день – песни в честь Кон Ики (верховного бога Торума), Вой Орт Ики (покровителя животных, особенно лосей) и Ас Ики (покровителя реки Оби) [Wiget, Balalaeva 2011: 138; 2022b]. В 2010 г. в юртах Кинямино С. В. Кечимов исполнял песню о трех молодых братьях размером с большой палец, которые в песне прямо не назывались, но которых исполнитель идентифицировал как Кон Ики, Эвут Ики и Явун

(Юган) Ики. Далее следуют другие мифологические песни. Если на празднике нет опытных исполнителей или исполнитель забыл песню, то возможна импровизация или прозаический пересказ [Wiget, Balalaeva 2022b: 34]. По-видимому, строгого порядка и состава песен нет или он утрачен.

Исследователи отмечают, что у восточных хантов не было специально сшитых халатов, шапок или рукавиц [Там же: 36]. Однако на описываемом нами празднике представлен богатый реквизит, который постоянно пополняется благодаря МАО «Экоцентр» и регулярно проводимым мастер-классам во время фестиваля «Хатлые», во время которых знатоки разных локальных традиций делятся своим опытом и уточняют, какие именно артефакты необходимы для проведения праздника, как ими надо пользоваться и как их надо изготовить. Мы наблюдаем возрождение и развитие традиции, ее обогащение инновациями.

Э. Вигет и О. Балалаева обращают внимание на различие в форме и способах изготовления посоха: у северных хантов он делается из специально вырезанного куска дерева с более широким плоским овальным концом, в то время как у восточных хантов используется молодое деревце, очищенное от веток. Во время описываемого нами праздника использовались специально изготовленные посохи. Возможно, это влияние западнохантыйской традиции, поскольку многие предыдущие праздники проводились совместно с казымскими хантами. Универсальной для всех групп обских угров чертой является полифункциональность посоха: им стучат, оповещая о прибытии исполнителя, а также в конце тех или иных произведений, во время священных песен его символически обвязывают тканью разного цвета и раскачивают в разные стороны, в профанных сценках посох заменяет разные предметы, необходимые ситуативно, – ружье, удочку, весло, копье, стрелу, фаллос и др.

Маски, использованные во время данного представления, вероятно, также представляют собой соединение западных и восточных традиций [Там же: 37], так как некоторые из них были изготовлены ранее для проведения совместных с западными хантами праздников. Однако при проведении данного ритуала, который устроители хотели организовать максимально аутентично в соответствии с восточными традициями, они не отказались от использования ранее изготовленных масок, хотя этот вопрос еще следует уточнить.

Структура праздника, набор персонажей также различается. В восточной традиции не зарегистрированы песни *пецары*, которые на Казыме исполняются от имени гостей с р. Печоры, однако разыгрываются аналогичные сценки в берестяных масках и суконных халатах. В наблюдавшемся нами празднике не зафиксированы важные признаки священных песен, которые в западной традиции устойчиво сопровождаются распевом *кэйюйэу*. Однако в песне Н. П. Купландеева, записанной в 1995 г., этот оборот регулярно воспроизводится, и сама песня в расшифровке Е. П. Сурломкиной называется *Кэйэукэм кэйа йойэу – Песня пришествия медведя*. Вводная¹².

Последний день праздника отличается от предыдущих дней, построенных по одному и тому же циклу: пробуждение – приветствие – угощение – чередование сакральных и профанных эпизодов – усыпление. В заключительной части появляются новые персонажи: филин, журавль и ворон, которые приходят, чтобы унести душу медведя [Перевалова, Карачаров 2006: 164]. В восточной традиции, как отмечается во многих исследованиях, кульминацией праздника является отправление души медведя при помощи филина, журавля и ворона, тогда как в западной – появление антропоморфных главных божеств хантыйского пантеона. Образы филина, журавля и ворона и их функции в восточной традиции отличаются от западной. Западнохантыйский праздник завершается так же, как он и начинается: в начале праздника гости подходят к медведю и здороваются с ним, а в конце подходят к нему и прощаются. Подобного прощания в восточной традиции не зарегистрировано [Wiget, Balalaeva 2022b: 39–41].

Отличительной особенностью записанного нами обряда является активное вовлечение в него всех присутствующих, в том числе исследователей, не являющихся представителями традиционного хантыйского сообщества. Возможно, это связано с условиями проведения праздника – отсутствием большого количества зрителей для минимизации помех при аудиозаписи, хотя это может быть также свидетельством открытости праздника для всех. При этом

¹² https://eloka.nsidc.org/sites/default/files/documents/other/kinkem_kia_oin_song_of_coming_of_bear.pdf (дата обращения: 20 июня 2024 г.).

устроители настаивали на неукоснительном соблюдении определенных правил – так, женщины обязательно должны быть в юбке и в платке.

Другим отличием описываемого обряда было то, что в его начале и после него не было проведено гадание на медведе, при котором голову с лапами и шкурой приподнимают, и в зависимости от того, легко или тяжело это сделать, ответ медведя интерпретируется как «да» или «нет». За два года до этого данный элемент праздника был исполнен, по ответам медведя старейшины определяли волю медведя, желаемый ход праздника. Не было проведено также и жертвоприношение оленя [Солдатов 2023: 40].

Таким образом, различия наблюдаются как между восточными и западными вариантами медвежьего праздника, так и между локальными традициями у восточных хантов. Возможно, это связано с тем, что в течение долгого времени медвежий праздник проводился в узком семейном кругу, а не как общий совместный праздник. В определенном смысле опыт организации медвежьего праздника в рамках фестиваля «Хатлые» меняет традицию и может сказываться на процедуре его проведения, обогащая его новыми элементами, с одной стороны, и способствуя устойчивости его воспроизведения, с другой. В то же время при обсуждении перспектив проведения праздника с участниками описываемого нами события они высказали мнение, что не хотели бы, чтобы на нем присутствовало много случайных гостей, особую озабоченность вызывает возможное распитие алкогольных напитков.

Заключение

Обеспокоенность сохранностью медвежьего праздника высказывали исследователи еще 150 лет назад. Так, один из первых исследователей, оставивших воспоминания о проведении медвежьего праздника у обских угров, Н. Л. Гондатти, писал: «...теперь, при увеличивающемся с каждым годом обрусении местных жителей, прежние обряды и верования забываются настолько, что в настоящее время почти невозможно встретить человека, вполне знающего все эти обряды, соединенные с празднествами в честь медведя; забываются они настолько, что даже сами инородцы это сознают и иногда выписывают какого-нибудь старика за две-три сотни верст, раз он знает все песни и представления, без которых праздник не в праздник...» [Гондатти 1888: 65]

Однако медвежий праздник, регулярно проводящийся в настоящее время, мало чем отличается от ритуала, который 100 лет назад на Агане наблюдала Р. П. Митусова [Митусова 1926: 12–14]. Основные параметры праздника сохранились в первоизданном виде. Вариативность является неотъемлемой частью культуры, импровизации допустимы, и каждый исполнитель приносит свою трактовку происходящего. При этом участники праздника отмечают необходимость точного следования канонам и исполнительским традициям, воспринятым ими непосредственно от их предшественников.

Интерес к медвежьему празднику только усиливается, молодые представители хантыйского народа собирают информацию о нем от своих сородичей [Прасин 2017]. Проведение праздников поддерживается деятельностью музеев и других учреждений культуры Ханты-Мансийского автономного округа – Югры.

Ценность зафиксированного нами обряда заключается прежде всего в том, что удалось собрать в одном месте уникальных носителей восточнохантыйской фольклорной традиции, что обеспечило аутентичность полученного материала. Несмотря на то, что обряд был проведен «под запись», то есть обычных зрителей, кроме участников и исследователей, на нем не было, мы можем говорить о его репрезентативности, так как были задействованы практически все имевшиеся на тот момент носители восточнохантыйской традиции, соблюдены основная структура и жанровый состав обряда, имела место также передача культурной традиции от старшего поколения младшему (в сценках на равных с остальными участвовал сын С. Г. Рыкова Яков). Задача полной записи медвежьего праздника восточных хантов была выполнена; теперь перед исследователями стоит задача лингвистической и музыковедческой расшифровки записанного материала для дальнейшей его публикации. Видеоматериал также может быть подвергнут различному монтажу исходя из целей и требуемого конечного результата – это может быть полнометражный фильм, серия видеоиллюстраций для сайта либо мультимедийной базы данных.

Введенные в научный оборот новые видео- и аудиозаписи будут способствовать сохранению мифологических традиций и развитию богатого культурного наследия хантыйского народа.

Список литературы

- Балалаева О. Э. Технология, перформанс и сохранение культурного наследия, или медвежий праздник и медиацентр юганских ханты: сибирский вариант // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2019. № 36. С. 204–209.
- Бауло А. В. «Старик священного города»: иконография божества в облике медведя по археологическим и этнографическим данным // Археология, этнография и антропология Евразии. 2016. Т. 44. № 2. С. 118–128.
- Василенко О. В. Музыка медвежьего праздника казымских хантов: жанрово-стилевые аспекты (по материалам исследований 1988–1997 годов) // Вестник Арктического государственного института культуры и искусств. 2014. №1 (6). С. 29–41.
- Головнев И. А., Головнева Е. В. Образ шамана в этнографическом кино (на материале фильма «Старик Петр») // Ежегодник финно-угорских исследований. 2022. Т. 16. Вып. 2. С. 316–327.
- Гриневич А. А. Устойчивые элементы поэтической системы обрядовых песен медвежьего праздника казымских хантов: поэтическая формула // Сибирский филологический журнал. 2016. № 4. С. 19–28.
- Гриневич А. А. Эмоции в обрядовых песнях медвежьего праздника казымских хантов // Критика и семиотика. 2020. № 2. С. 220–236.
- Гриневич А. А. Поэтические константы песен медвежьего праздника казымских хантов. Новосибирск: Изд-во Наука, 2021. 123 с. + фотоприложение (68 с.).
- Гондатти Н. Л. Культ медведя у инородцев Северо-Западной Сибири // Следы язычества у инородцев Северо-Западной Сибири. М., 1888. Т. 48. Вып. 2. С. 61–91.
- Карьялайнен К. Ф. Религия югорских народов / Перевод с немецкого Н. В. Лукиной. Т. III. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1996. 262 с.
- Каксина Е. Д. Образ медведя в фольклоре казымских хантов // Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока: традиции и инновации: материалы Всероссийской научно-практической конференции XIX Югорские чтения (1 декабря 2020 г., Ханты-Мансийск). Ханты-Мансийск: ООО «Печатный мир г. Ханты-Мансийск», 2021. С. 116–124.
- Кальман Б. Два обряда очищения в культе медведя обских угров // Вестник Томского государственного педагогического университета. Серия: Гуманитарные науки (история, археология, этнология). 2004. Вып. 4 (41). С. 91–94. [Пер. с нем. Н. В. Лукиной: Kálmán B. Zwei Reinigungsriten im Bärenkult der Obugrier // Glaubenswelt und Folklore der sibirischen Völker. Budapest, 1963. S. 93–100.]
- Кошкарева Н. Б. О принципах лингвистической подготовки фольклорных текстов к печати // Фольклор коренных народов Югры и Ямала: общее и особенное: материалы межрегиональной научно-практической конференции. Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2008. С. 47–57.
- Кравченко О. А. Медвежий игрища казымских хантов. Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2004. 36 с.
- Кулемзин В. М. Медвежий праздник у ваховских хантов // Материалы по этнографии Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1972. С. 93–98.
- Кулемзин В. М. Медвежий праздник и шаманизм в хантыйском мировоззрении // Материалы и исследования культурно-исторических проблем народов Сибири. Томск, 1996. С. 198–204.
- Лукина Н. В. Общее и особенное в культе медведя у обских угров // Обряды народов Западной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1990. С. 179–191.
- Лукина Н. В. Ханты от Васюганья до Заполярья: источники по этнографии. Т. 3: Юган. Томск: Изд-во Томск. гос. пед. ун-та, 2010. 296 с.
- Лукина Н. В., Попова С. А. Об историческом соотношении видов медвежьего праздника у обских угров // Вестник угроведения. 2020. Т. 10. № 4. С. 718–727.
- Мазур О. В. Медвежий праздник казымских хантов как жанрово-стилевая система: Автореф. дис. ... канд. искусствоведения. Новосибирск, 1997. 19 с.
- Митусова Р. П. Медвежий праздник у аганских остяков // Тобольский край. 1926. № 1 (март). С. 11–14. URL: <https://www.prlib.ru/item/457633> (дата обращения: 12 декабря 2024 г.).
- Молданов Т. А. Картина мира в песнопениях медвежьих игрищ северных хантов. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1999. 141 с.

Молданов Т. А. «Медвежьи» песни северных хантов // Обские угры на пороге третьего тысячелетия. Доклады Международной конференции «Ханты и манси на пороге Третьего Тысячелетия. Опыт. Проблемы. Развитие» (г. Ханты-Мансийск, 10–11 августа 1999 г.). Ханты-Мансийск, 2001. Вып. 2. С. 60–62.

Молданов Т. А. Картина мира в медвежьих игрищах северных хантов: XIX–XXI вв. Томск: Изд-во ТГУ, 2002а. 266 с.

Молданов Т. А. Структура медвежьих игрищ // Материалы V Югорских чтений «Медведь в культуре обско-угорских народов». Ханты-Мансийск, 2002б. С. 3–13.

Молданов Т. А. Определение времен года в современных «медвежьих песнях» северных хантов // Материалы научно-практической конференции с международным участием «Сородичи, я не таю прекрасное от ваших взоров...», посвященной юбилею М. К. Вагатовой (Волдиной), 23 января 2007 г. Ханты-Мансийск: ОАО «Информационно-издательский центр», 2009. С. 366–371.

Молданов Т. А. Атрибутика медвежьих игрищ: посох казымских хантов // Человек и Север: Антропология, археология, экология: Материалы всероссийской научной конференции, г. Тюмень, 2–6 апреля 2018 г. Тюмень: ФИЦ ТюмНИЦ СО РАН, 2018а. Вып. 4. С. 392–395.

Молданов Т. А. Медвежьи песни казымских хантов // Традиционная культура. Т. 19. 2018б. № 4. С. 126–136.

Молданов Т. А. Медвежьи песни // «Этнодиалоги». Научно-информационный альманах. 2020. №1 (59). С. 140–155.

Молданов Т. А., Молданова Т. А. Боги земли казымской. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2000. 114 с.

Молданов Т. А., Сидорова Е. В. Медвежьи игрища: танцы и песни. Ханты-Мансийск: ООО «Типография «Печатное дело», 2010. 440 с.

Молданова Т. А. Юильские медвежьи игрища // Народы Северо-Западной Сибири. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1995. Вып. 2. С. 141–142.

Молданова Т. А. Пелымский Торум – устроитель медвежьих игрищ. Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2010. 224 с.

Молданова Т. А. Из истории возрождения хантыйского медвежьего праздника в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2016. № 2 (31). С. 117–125.

Прасин Н. Е. Обряды ваховских ханты. Медвежий праздник // Старт в науке: Научный журнал для школьников. 2017. № 2. URL: <https://science-start.ru/ru/article/view?id=603> (дата обращения: 23 июня 2024 г.).

Перевалова Е. В., Карачаров К. Г. Река Аган и ее обитатели. Екатеринбург; Нижневартовск: УрО РАН; Студия «ГРАФО», 2006. 352 с.

Сагалаев К. А. Медвежий праздник современных казымских хантов // Традиции и новации в современном фольклоре народов Сибири. Новосибирск, 2008. С. 41–51.

Сагалаев К. А. В гости к Обскому старику: обряд почитания *Ас тый ики* // Сибирский филологический журнал. 2019а. № 4. С. 26–32.

Сагалаев К. А. Культовые практики хантов реки Юган (по материалам экспедиции 2013 г.) // Зеркала культур: Памяти А. М. Сагалаева. Новосибирск, 2019б. С. 192–202.

Сагалаев К. А. Обряды почитания семейных духов-покровителей у юганских хантов // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2020. № 4 (30). С. 120–127.

Сагалаев К. А. Несказочная проза юганских хантов в материалах экспедиций Института филологии СО РАН // Сибирский филологический журнал. 2021. № 4. С. 24–36.

Сагалаев К. А. Визуальная фольклористика: от видеофиксации к комплексному исследованию // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2024. № 4. С. 143–152.

Сагалаев К. А., Солдатова Г. Е. Медвежий праздник восточных хантов на фестивале // Кәтjелi. Этнографический альбом. Мегион; Ханты-Мансийск: Печатный мир, 2022. С. 76–82.

Сбитнев Н. А. Реконструкция медвежьих игрищ на региональном фестивале «Хатлые» // Сборник материалов конференций МАУ «Экоцентр» 2022 года: Материалы научно-практической конференции в рамках VII Регионального фестиваля «Хатлые» и IX Открытой городской учебно-практической конференции. Нижневартовск, 2022. С. 59–61.

Слепенкова Р. К. Почитание медведя в фольклоре рода Себуровых // Материалы V Югорских чтений «Медведь в культуре обско-угорских народов» (г. Ханты-Мансийск, 22 мая 2002 г.). Ханты-Мансийск, 2002. С. 61–67.

Соколова З. П. Культ медведя и медвежий праздник в мировоззрении и культуре народов Сибири // Этнографическое обозрение. 2002. № 1. С. 41–62.

Солдатова Г. Е. Типы обрядовых напевов хантыйского медвежьего праздника // II Сибирский форум фольклористов: Тезисы докладов к 90-летию со дня рождения А. Б. Соктоева, основателя серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока». Новосибирск, 2021. С. 131–132.

Солдатова Г. Е. Звуки медвежьего праздника (взгляд этномузыковеда) // Сборник материалов конференций МАУ «Экоцентр» 2022 года: Материалы научно-практической конференции в рамках VII Регионального фестиваля «Хатлы» и IX Открытой городской учебно-практической конференции. Нижневартовск, 2022. С. 6–8.

Солдатова Г. Е. Тромаганский медвежий праздник: хантыйский обряд в записи 2022 года // Сибирский филологический журнал. 2023. № 3. С. 34–47.

Сынские ханты / под общ. ред. А. В. Бауло. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. 350 с.

Талигина Н. М. Описание медвежьих игрищ у сынских хантов. Салехард: Красный Север, 2007. 104 с.

Харузин Н. Н. Медвежья присяга и тотемические основы культа медведя у остяков и вогулов. М., 1899. 72 с.

Чернецов В. Н. Медвежий праздник у обских угров / Пер. с нем. и публ. Н. В. Лукиной. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2001. 49 с.

Шатилов М. Б. Ваховские остяки. Этнографические очерки. Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 2000. 288 с.

Шесталов В. И. Музыкально-инструментальная традиция и драматургические особенности медвежьего праздника обских угров: дис. ... канд. искусствоведения. СПб., 2011. 313 с.

Шесталов В. И. Музыка и мифология медвежьего праздника обских угров. Ханты-Мансийск: Новости Югры, 2013. 227 с.

Шмидт Е. А. Традиционное мировоззрение северных обских угров по материалам культа медведя: Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1989. 224 с. URL: https://schmidt-eva-archivum.nytud.hu/assets/manuscripts/schmidt-eva-kandidatusi-disszertacio-1989_original.pdf (дата обращения: 23 июня 2024 г.).

Bakró-Nagy M. Sz. Die Sprache des Bärenkultes im Obugrischen. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1979. 141 p.

Csepregi M. Samples from the Genres of Ostyak Folklore // Acta Ethnographica Hungarica (Studies on Surgut Ostyak Culture). 1997. Vol. 42 (3–4). Pp. 285–348.

Csepregi M. Egy Szurguti Hanti Mitikus Ének Száz Éve. Esettanulmány a Szájhagyományozódás Természetéhez // Folia Uralica Debreceniensia. 2019. Vol. 26. Pp. 45–58.

Dudeck S. Hybridity in a Western Siberian bear ceremony // Journal of Ethnology and Folkloristics. 2022. No. 16 (2). Pp. 43–85.

Glavatskaya E. Dancing a Bear: Performative aspects of Ob-Ugrians Bear Festivals // Construction and Distribution of Body Resources: Correlations between Ecological, Symbolic, and Medical Systems, edited by Kazuyoshi Sugawara. Tōkyō: Tōkyō Gaikokugo Daigaku, 2005. Pp. 183–199.

Ѓәмҗеҗи. Этнографический альбом. Мегион; Ханты-Мансийск: Изд-во ООО «Печатный мир г. Ханты-Мансийск», 2022. 150 с.

Lintrop A. Khanty bear-feast songs collected by Wolfgang Steinitz // Folklore. Electronic Journal of Folklore. 1998. № 6. Pp. 70–98. URL: <https://folklore.ee/folklore/vol6/pdf/steinitz.pdf> (дата обращения: 21 июня 2024 г.).

Niemi J. To the Problem of Metre and Structure in Khanty Songs: A Case of an Eastern Khanty Bear Feast Song // Congressus Nonus Internationalis Fenno-Ugristarum. T. VII. Tartu: Paar, 2001. Pp. 131–144.

Rydvig H. The ‘Bear Ceremonial’ and Bear Rituals among the Khanty and the Sami // Temenos. 2010. Vol. 46. No. 1. Pp. 31–52.

Schmidt É. Bear cult and mythology of the northern Ob-Ugrians // *Uralic Mythology and Folklore*, Budapest: Ethnographic Institute of the Hungarian Academy of Sciences, 1989. Pp. 35–112.

Wiget A. Waking the Bear Understanding Circumpolar Bear Ceremonialism. URL: <https://eloka.nsidc.org/bears/bear-festivals> (дата обращения: 20 июня 2024 г.).

Wiget A., Balalaeva O. Khanty, People of the Taiga: Surviving the Twentieth Century. Fairbanks: U of Alaska P, 2011. 398 p.

Wiget A., Balalaeva O. Sharing the World with Bears: Conflict and Coexistence in the Siberian Taiga // *Human Ecology*. 2022a. Iss. 50. Pp. 1129–1142. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s10745-022-00364-y> (дата обращения: 20 июня 2024 г.).

Wiget A., Balalaeva O. Valuing Difference: Bear Ceremonialism, the Eastern Khanty, and Cultural Variation among Ob-Ugrians // *Sibirica: Interdisciplinary Journal of Siberian Studies*. 2022b. Vol. 21, iss. 1. Pp. 25–52.

References

Bakró-Nagy M. Sz. *Die Sprache des Bärenkultes im Obugrischen*. Budapest, Akadémiai Kiadó, 1979, 141 p.

Balalaeva O. E. Tekhnologiya, performans i sokhranenie kul'turnogo naslediya, ili medvezhiy prazdnik i mediatsentr yuganskikh khanty: sibirskiy variant [Technology, performance and preservation of cultural heritage, or the bear festival and media center of the Yugansk Khanty: Siberian version]. *Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 2019, no. 36, pp. 204–209. (In Russ.)

Baulo A. V. “Starik svyashchennogo goroda”: ikonografiya bozhestva v oblike medvedya po arkhologicheskim i etnograficheskim dannym [“The Old Man of the Sacred City”: Iconography of a Deity in the Form of a Bear Based on Archaeological and Ethnographic Data]. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 2016, vol. 44, no. 2, pp. 118–128. (In Russ.)

Chernetsov V. N. *Medvezhiy prazdnik u obskikh ugrov* [Bear Festival among the Ob Ugrians]. N. V. Lukina (Transl. from German and publ.). Tomsk, TSU, 2001, 49 p. (In Russ.)

Csepregi M. Egy Szurguti Hanti Mitikus Ének Száz Éve. Esettanulmány a Szájhagyományozódás Természetéhez. *Folia Uralica Debreceniensia*. 2019, vol. 26, pp. 45–58.

Csepregi M. Samples from the Genres of Ostyak Folklore. *Acta Ethnographica Hungarica (Studies on Surgut Ostyak Culture)*. 1997, vol. 42 (3–4), pp. 285–348.

Dudeck S. Hybridity in a Western Siberian bear ceremony. *Journal of Ethnology and Folkloristics*. 2022, no. 16 (2), pp. 43–85.

Glavatskaya E. Dancing a Bear: Performative aspects of Ob-Ugrians Bear Festivals. In: *Construction and Distribution of Body Resources: Correlations between Ecological, Symbolic, and Medical Systems*, edited by Kazuyoshi Sugawara. Tōkyō, Tōkyō Gaikokugo Daigaku, 2005, pp. 183–199.

Golovnev I. A., Golovneva E. V. Obraz shamana v etnograficheskom kino (na materiale fil'ma “Starik Petr”) [The image of a shaman in ethnographic cinema (a case study of the film “Old Man Peter”)]. *Yearbook of Finno-Ugric Studies*. 2022, vol. 16, vol. 2, pp. 316–327. (In Russ.)

Gondatti N. L. Kul't medvedya u inorodtsev Severo-Zapadnoy Sibiri [The Cult of the Bear among the Natives of Northwestern Siberia]. In: *Sledy yazychestva u inorodtsev Severo-Zapadnoy Sibiri* [Traces of Paganism among the Natives of Northwestern Siberia]. Moscow, 1888, vol. 48, iss. 2, pp. 61–91.

Grinevich A. A. Emotsii v obryadovykh pesnyakh medvezh'ego prazdnika kazymskikh khantov [Emotions in ritual songs of the bear festival of the Kazym Khanty]. *Kritika i Semiotika (Critique and Semiotics)*. 2020, no. 2, pp. 220–236. (In Russ.)

Grinevich A. A. *Poeticheskie konstanty pesen medvezh'ego prazdnika kazymskikh khantov* [Poetic constants of the songs of the bear festival of the Kazym Khanty]. Novosibirsk, Nauka, 2021, 123 p. + photo appendix (68 p.). (In Russ.)

Grinevich A. A. Ustoychivye elementy poeticheskoy sistemy obryadovykh pesen medvezh'ego prazdnika kazymskikh khantov: poeticheskaya formula [Stable elements of the poetic system of ritual songs of the bear festival of the Kazym Khanty: poetic formula]. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal (Siberian Journal of Philology)*. 2016, no. 4, pp. 19–28. (In Russ.)

Kaksina E. D. *Obraz medvedya v fol'klore kazymskikh khantov* [The image of a bear in the folklore of the Kazym Khanty]. In: *Korennye malochislennye narody Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka: traditsii i innovatsii: materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii 19 Yugorskie chteniya* (1 dekabrya 2020 g., Khanty-Mansiysk) [Indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East: traditions and innovations: materials of the All-Russian scientific and practical conference the 19th Yugra readings (December 1, 2020, Khanty-Mansiysk)]. Khanty-Mansiysk, OOO "Pechatnyy mir g. Khanty-Mansiysk", 2021, pp. 116–124. (In Russ.)

Kal'man B. Dva obryada ochishcheniya v kul'te medvedya obskikh ugrov [Two rites of purification in the bear cult of the Ob Ugrians]. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin. Series: Humanities (History, Archeology, Ethnology)*. 2004, vol. 4 (41), pp. 91–94. [Transl. From German by N. V. Lukina: Kálmán B. Zwei Reinigungsriten im Bärenkult der Obugrier. In: *Glaubenswelt und Folklore der sibirischen Völker*. Budapest, 1963, pp. 93–100]. (In Russ.)

Kar'yalaynen K. F. *Religiya yugorskikh narodov* [Religion of the Yuga peoples]. N. V. Lukina (Transl. from German). Tomsk, TSU, 1996, vol. III, 262 p. (In Russ.)

Kharuzin N. N. *Medvezh'ya prisyaga i totemicheskie osnovy kul'ta medvedya u ostyakov i vogulov* [The Bear Oath and the Totemic Foundations of the Bear Cult among the Ostyaks and Voguls]. Moscow, 1899, 72 p. (In Russ.)

Koshkareva N. B. O printsipakh lingvisticheskoy podgotovki fol'klornykh tekstov k pechati [On the principles of linguistic preparation of folklore texts for publication]. In: *Fol'klor korennnykh narodov Yugry i Yamala: obshchee i osobennoe: materialy mezhregional'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Folklore of the indigenous peoples of Yuga and Yamal: general and specific: materials of the interregional scientific and practical conference]. Khanty-Mansiysk, Poligrafist, 2008, pp. 47–57. (In Russ.)

Kravchenko O. A. *Medvezh'i igrishcha kazymskikh khantov* [Bear Games of the Kazym Khanty]. Khanty-Mansiysk, Poligrafist, 2004, 36 p. (In Russ.)

Kulemzin V. M. Medvezhiy prazdnik i shamanizm v khantyyskom mirovozzrenii [Bear Festival and Shamanism in the Khanty Worldview]. In: *Materialy i issledovaniya kul'turno-istoricheskikh problem narodov Sibiri* [Materials and Research on Cultural and Historical Problems of the Peoples of Siberia]. Tomsk, 1996, pp. 198–204. (In Russ.)

Kulemzin V. M. Medvezhiy prazdnik u vakhovskikh khantov [Festival among the Vakh Khanty]. In: *Materialy po etnografii Sibiri* [Materials on the Ethnography of Siberia]. Tomsk, TSU Publishing House, 1972, pp. 93–98. (In Russ.)

Lintrop A. Khanty bear-feast songs collected by Wolfgang Steinitz. *Folklore. Electronic Journal of Folklore*. 1998, no. 6, pp. 70–98. URL: <https://folklore.ee/folklore/vol6/pdf/steinitz.pdf> (accessed 21.06.2024)

Lukina N. V. *Khanty ot Vasyugan'ya do Zapolyar'ya: istochniki po etnografii* [Khanty from Vasyugan to the Arctic: ethnographic sources]. Tomsk, TSPU, 2010, vol. 3: Yugan, 296 p. (In Russ.)

Lukina N. V. Obshchee i osobennoe v kul'te medvedya u obskikh ugrov [General and special features in the cult of the bear among the Ob Ugrians]. In: *Obryady narodov Zapadnoy Sibiri* [Rites of the peoples of Western Siberia]. Tomsk, TSU, 1990, pp. 179–191. (In Russ.)

Lukina N. V., Popova S. A. Ob istoricheskom sootnoshenii vidov medvezh'ego prazdnika u obskikh ugrov [On the historical relationship of types of bear festivals among the Ob Ugrians]. *Bulletin of Ugric studies*. 2020, vol. 10, no. 4, pp. 718–727. (In Russ.)

Mazur O. V. *Medvezhiy prazdnik kazymskikh khantov kak zhanrovo-stilevaya sistema* [The Bear Festival of the Kazym Khanty as a Genre-Stylistic System]. Abstract of Cand. Art. sci. diss. Novosibirsk, 1997, 19 p. (In Russ.)

Mitusova R. P. Medvezhiy prazdnik u aganskikh ostyakov [Bear Festival among the Agan Ostyaks]. *Tobol'skiy kray*. 1926, no. 1 (March), pp. 11–14. (In Russ.) URL: <https://www.prlib.ru/item/457633> (accessed 12.12.2024).

Moldanov T. A. "Medvezh'i" pesni severnykh khantov ["Bear" songs of the northern Khanty]. In: *Obskie ugry na poroge tret'ego tysyacheletiya. Doklady Mezhdunarodnoy konferentsii "Khanty i mansi na poroge Tret'ego Tysyacheletiya. Opyt. Problemy. Razvitie"* (g. Khanty-Mansiysk, 10–11 avgusta 1999 g.) [Ob Ugrians on the threshold of the third millennium. Reports of the International Conference "Khanty and Mansi on the threshold of the Third Millennium. Experience. Problems. Development" (Khanty-Mansiysk, August 10–11, 1999)]. Khanty-Mansiysk, 2001, iss. 2, pp. 60–62. (In Russ.)

Moldanov T. A. Atributika medvezh'ikh igrishch: posokh kazymских khantov [Bear Games Attributes: Kazym Khanty Staff]. In: *Chelovek i Sever: Antropologiya, arkheologiya, ekologiya: Materialy vserossiyskoy nauchnoy konferentsii, g. Tyumen', 2–6 aprelya 2018 g.* [Man and the North: Anthropology, Archaeology, Ecology: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference, Tyumen, April 2–6, 2018]. Tyumen, FSC TyumSC SB RAS, 2018a, iss. 4, pp. 392–395. (In Russ.)

Moldanov T. A. *Kartina mira v medvezh'ikh igrishchakh severnykh khantov: 19–21 vv.* [Picture of the world in the bear games of the northern Khanty: 19th–21st centuries]. Tomsk, TSU, 2002a, 266 p. (In Russ.)

Moldanov T. A. *Kartina mira v pesnopeniyakh medvezh'ikh igrishch severnykh khantov* [Picture of the world in the bear games of the northern Khanty]. Tomsk, TSU, 1999, 141 p. (In Russ.)

Moldanov T. A. Medvezh'i pesni [Bear songs]. *“Etnodialogi”. Nauchno-informatsionnyy al'manakh.* 2020, no. 1 (59), pp. 140–155.

Moldanov T. A. Medvezh'i pesni kazymских khantov [Bear songs of the Kazym Khanty]. *Scholarly almanac “Traditsionnaya kul'tura” (Traditional Culture).* vol. 19, 2018b, no. 4, pp. 126–136. (In Russ.)

Moldanov T. A. Opreделение vremen goda v sovremennykh “medvezh'ikh pesnyakh” severnykh khantov [Determination of seasons in modern “bear songs” of the northern Khanty]. In: *Materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem “Sorodichi, ya ne tayu prekrasnoe ot vashikh vzorov...”*, posvyashchennoy yubileyu M. K. Vagatovoy (Voldinoy), 23 yanvarya 2007 g. [Materials of the scientific and practical conference with international participation “Kindred, I do not hide the beautiful from your eyes...”, dedicated to the anniversary of M.K. Vagatova (Voldina), January 23, 2007]. Khanty-Mansiysk, OAO “Informatsionno-izdatel'skiy tsentr”, 2009, pp. 366–371. (In Russ.)

Moldanov T. A. Struktura medvezh'ikh igrishch [The structure of bear games]. In *Materialy V Yugorskikh chteniy “Medved” v kul'ture obsko-ugorskikh narodov* [Materials of the V Yugra readings “The Bear in the Culture of the Ob-Ugric Peoples”]. Khanty-Mansiysk, 2002b, pp. 3–13. (In Russ.)

Moldanov T. A., Moldanova T. A. *Bogi zemli kazymской* [Gods of the land of Kazym]. Tomsk, TSU, 2000, 114 p. (In Russ.)

Moldanov T. A., Sidorova E. V. *Medvezh'i igrishcha: tantsy i pesni* [Bear Games: Dances and Songs]. Khanty-Mansiysk, OOO “Tipografiya “Pechatnoe delo””, 2010, 440 p. (In Russ.)

Moldanova T. A. Iz istorii vozrozhdeniya khantyyskogo medvezh'ego prazdnika v Khanty-Mansiyskom avtonomnom okruge – Yugre [From the history of the revival of the Khanty bear festival in the Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra. *Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri (Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia).* 2016, no. 2 (31), pp. 117–125. (In Russ.)

Moldanova T. A. *Pelymskiy Torum – ustroitel' medvezh'ikh igrishch* [Pelymsky Torum – the organizer of bear games]. Khanty-Mansiysk, Poligrafist, 2010, 224 p. (In Russ.)

Moldanova T. A. Yuil'skie medvezh'i igrishcha [Yuil Bear Games]. In: *Narody Severo-Zapadnoy Sibiri* [Peoples of North-Western Siberia]. Tomsk, TSU, 1995, iss. 2, pp. 141–142.

Niemi J. To the Problem of Metre and Structure in Khanty Songs: A Case of an Eastern Khanty Bear Feast Song. In: *Congressus Nonus Internationalis Fenno-Ugristarum.* Tartu, Paar, 2001, vol. VII, pp. 131–144.

Perevalova E. V., Karacharov K. G. *Reka Agan i ee obitateli* [The Agan River and its inhabitants]. Ekaterinburg, Nizhnevartovsk, UrB RAS, Studiia “GRAFO”, 2006, 352 p. (In Russ.)

Prasin N. E. Obryady vakhovskikh khanty. Medvezhiy prazdnik [Rituals of the Vakh Khanty. Bear Festival]. *Start v nauke: Nauchnyy zhurnal dlya shkol'nikov.* 2017, no. 2. URL: <https://science-start.ru/ru/article/view?id=603> (accessed 23.06.2024). (In Russ.)

Ryding H. The ‘Bear Ceremonial’ and Bear Rituals among the Khanty and the Sami. In: *Temenos.* 2010, vol. 46, no. 1, pp. 31–52.

Sagalaev K. A. Kul'tovye praktiki khantov reki Yugan (po materialam ekspeditsii 2013 g.) [Religious practices of the Khanty of the Yugan River (based on the materials of the 2013 expedition)]. In: *Zerkala kul'tur: Pamyati A. M. Sagalaeva* [Mirrors of Cultures: In Memory of A. M. Sagalaev]. Novosibirsk, 2019b, pp. 192–202. (In Russ.)

Sagalaev K. A. Medvezhiy prazdnik sovremennykh kazymskih khantov [Bear Festival of Modern Kazym Khanty]. In: *Traditsii i novatsii v sovremennom fol'klore narodov Sibiri* [Traditions and Innovations in Modern Folklore of the Peoples of Siberia]. Novosibirsk, 2008, pp. 41–51. (In Russ.)

Sagalaev K. A. Neskazochnaya proza yuganskikh khantov v materialakh ekspeditsiy Instituta filologii SO RAN [Non-fairytale prose of the Yugansk Khanty in the materials of the expeditions of the Institute of Philology SB RAS]. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal (Siberian Journal of Philology)*. 2021, no. 4, pp. 24–36. (In Russ.)

Sagalaev K. A. Obryady pochitaniya semeynykh dukhov-pokroviteley u yuganskikh khantov [Rituals of veneration of family patron spirits among the Yugan Khanty]. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*. 2020, no. 4 (30), pp. 120–127. (In Russ.)

Sagalaev K. A. V gosti k Obskomu stariku: obryad pochitaniya As tiy iki [Visiting the Ob Old Man: A Rite of Honoring As tiy iki]. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal (Siberian Journal of Philology)*. 2019a, no. 4, pp. 26–32. (In Russ.)

Sagalaev K. A. Vizual'naya fol'kloristika: ot videofiksatsii k kompleksnomu issledovaniyu [Visual folklore: from video recording to complex research]. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*. 2024, no. 4, pp. 143–152. (In Russ.)

Sagalaev K. A., Soldatova G. E. Medvezhiy prazdnik vostochnykh khantov na festivale [Bear Festival of the Eastern Khanty at the Festival]. In: *Kätjeli. Etnograficheskiy al'bom* [Kätjeli. Ethnographic Album]. Megion, Khanty-Mansiysk, Pechatnyy mir, 2022, pp. 76–82. (In Russ.)

Sbitnev N. A. Rekonstruktsiya medvezh'ikh igrishch na regional'nom festivale “Khatlye” [Reconstruction of bear games at the regional festival “Khatlye”]. In: *Sbornik materialov konferentsiy MAU “Ekotsentr” 2022 goda: Materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii v ramkakh VII Regional'nogo festivalya “Khatlye” i IX Otkrytoy gorodskoy uchebno-prakticheskoy konferentsii* [Collection of conference materials of the MAU “Ecocenter” 2022: Materials of the scientific and practical conference within the framework of the VII Regional Festival “Khatlye” and the IX Open City Educational and Practical Conference]. Nizhnevartovsk, 2022, pp. 59–61. (In Russ.)

Schmidt É. Bear cult and mythology of the northern Ob-Ugrians. In: *Uralic Mythology and Folklore*. Budapest, Ethnographic Institute of the Hungarian Academy of Sciences, 1989, pp. 35–112.

Shatilov M. B. *Vakhovskie ostyaki. Etnograficheskie ocherki* [Vakhovsky Ostyaks. Ethnographic essays]. Tyumen, Izd. Yu. Mandrika, 2000, 288 p. (In Russ.)

Shestalov V. I. *Muzyka i mifologiya medvezh'ego prazdnika obskikh ugrov* [Music and mythology of the bear festival of the Ob Ugrians]. Khanty-Mansiysk, Novosti Yugry, 2013, 227 p. (In Russ.)

Shestalov V. I. *Muzykal'no-instrumental'naya traditsiya i dramaturgicheskie osobennosti medvezh'ego prazdnika obskikh ugrov* [Musical and instrumental tradition and dramatic features of the bear festival of the Ob Ugrians]. Abstract of Cand. Art. sci. diss. St. Petersburg, 2011, 313 p. (In Russ.)

Schmidt E. A. *Traditsionnoe mirovozzrenie severnykh obskikh ugrov po materialam kul'ta medvedya* [Traditional worldview of the northern Ob Ugrians based on the materials of the bear cult]. Abstract of Cand. of Hist. sci. diss. Leningrad, 1989, 224 p. URL: https://schmidt-eva-archivum.nytud.hu/assets/manuscripts/schmidt-eva-kandidatusi-disszertacio-1989_original.pdf (accessed 23.06.2024). (In Russ.)

Slepenkova R. K. Pochitanie medvedya v fol'klore roda Seburovykh [Bear veneration in the folklore of the Seburov family]. In: *Materialy V Yugorskikh chteniy “Medved' v kul'ture obsko-ugorskikh narodov”* (g. Khanty-Mansiysk, 22 maya 2002 g.) [Materials of the V Yugra readings “The Bear in the Culture of the Ob-Ugric Peoples” (Khanty-Mansiysk, May 22, 2002)]. Khanty-Mansiysk, 2002, pp. 61–67. (In Russ.)

Sokolova Z. P. Kul't medvedya i medvezhiy prazdnik v mirovozzrenii i kul'ture narodov Sibiri [The Cult of the Bear and the Bear Festival in the Worldview and Culture of the Peoples of Siberia]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 2002, no. 1, pp. 41–62. (In Russ.)

Soldatova G. E. Tipy obryadovykh napevov khantyyskogo medvezh'ego prazdnika [Types of ritual chants of the Khanty bear festival]. In: *II Sibirskiy forum fol'kloristov: Tezisy dokladov k 90-letiyu so dnya rozhdeniya A. B. Soktoeva, osnovatelya serii “Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka”* [II Siberian forum of folklorists: Abstracts of reports for the 90th anniversary of the birth of A. B. Soktoev, founder of the series “Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East”]. Novosibirsk, 2021, pp. 131–132. (In Russ.)

Soldatova G. E. Tromaganskiy medvezhiy prazdnik: khantyyskiy obryad v zapisi 2022 goda [Tromagan Bear Festival: Khanty Rite Recorded in 2022]. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal (Siberian Journal of Philology)*. 2023, no. 3, pp. 34–47. (In Russ.)

Soldatova G. E. Zvuki medvezh'ego prazdnika (vzglyad etnomuzykoveda) [Sounds of the Bear Festival (an ethnomusicologist's view)]. In: *Sbornik materialov konferentsiy MAU "Ekotsentr" 2022 goda: Materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii v ramkakh VII Regional'nogo festivala "Khatlye" i IX Otkrytoy gorodskoy uchebno-prakticheskoy konferentsii* [Collection of conference materials of the MAU "Ecocenter" in 2022: Materials of the scientific and practical conference within the framework of the VII Regional Festival "Khatlye" and the IX Open City Educational and Practical Conference]. Nizhnevartovsk, 2022, pp. 6–8. (In Russ.)

Synskie khanty [Synya Khanty]. A. V. Baulo (Ed.). Novosibirsk, Institute of Archeology and Ethnography SB RAS, 2005, 350 p.

Taligina N. M. *Opisanie medvezh'ikh igrishch u synskikh khantov* [Description of bear games among the Synsky Khanty]. Salekhard, Krasny Sever, 2007, 104 p. (In Russ.)

Vasilenko O. V. Muzyka medvezh'ego prazdnika kazymskikh khantov: zhanrovo-stilevye aspekty (po materialam issledovaniy 1988–1997 godov) [Music of the Bear Festival of the Kazym Khanty: Genre and Stylistic Aspects (Based on Research Materials from 1988–1997)]. *Bulletin of the Arctic State Institute of Arts and Culture*. 2014, no. 1 (6), pp. 29–41. (In Russ.)

Wiget A. Waking the Bear Understanding Circumpolar Bear Ceremonialism. URL: <https://eloka.nsidc.org/bears/bear-festivals> (accessed 20.06.2024).

Wiget A., Balalaeva O. Sharing the World with Bears: Conflict and Coexistence in the Siberian Taiga. *Human Ecology*. 2022a, iss. 50, pp. 1129–1142. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s10745-022-00364-y> (accessed 20.06.2024).

Wiget A., Balalaeva O. Valuing Difference: Bear Ceremonialism, the Eastern Khanty, and Cultural Variation among Ob-Ugrians. *Sibirica: Interdisciplinary Journal of Siberian Studies*. 2022b, vol. 21, iss. 1, pp. 25–52.

Wiget A., Balalaeva O. *Khanty, People of the Taiga: Surviving the Twentieth Century*. Fairbanks, Univ. of Alaska Publishing House, 2011, 398 p.

Ѓätjeji. *Etnograficheskiy al'bom* [Ethnographic Album]. Megion, Khanty-Mansiysk, Izd. Pechatnyy mir, 2022, 150 p. (In Russ.)

Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
25.12.2024

Сведения об авторах Information about the Authors

Наталья Борисовна Кошкарёва – доктор филологических наук, профессор, заведующая сектором языков народов Сибири Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия)

Natalia B. Koshkareva – Doctor of Philology, Professor, Head of the of the the Department of the Languages of the Peoples of Siberia, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia)

E-mail: koshkar_nb@mail.ru
ORCID 0000-0002-4578-6591

Константин Андреевич Сагалаев – младший научный сотрудник сектора фольклора народов Сибири Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия)

Konstantin A. Sagalaev – Junior Researcher, Department of Folklore of the Peoples of Siberia, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia)

E-mail: bigbeatle@inbox.ru
ORCID 0000-0001-6963-4130